

A low-angle shot looking up at several parachutes against a cloudy sky. The parachutes are light-colored with dark lines. In the lower right, a small aircraft is visible, and below it, a cluster of parachutes and jumpers. The background shows a hazy mountain range.

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ

ЖИТЬ НЕ НАПРАСНО

Владимир Казаков

Жить не напрасно

«Издательские решения»

Казаков В.

Жить не напрасно / В. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743900-2

Повесть о красном моряке и всаднике революции, лётчике-испытателе, изобретателе и первом в мире главном конструкторе десантной техники, комдиве Павле Игнатьевиче Гроховском, о его жизни, оборвавшейся в годы репрессий. Он знал, что прожил не напрасно, потому что всё остаётся людям...

ISBN 978-5-44-743900-2

© Казаков В.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Начало	9
Глава 1. Эпизоды	10
Глава 2. Ошибка бомбометателей	22
Глава 3. Первые успехи	27
Глава 4. Начальник ВВС	30
Глава 5. Добровольный прыжок	40
Глава 6. Задание Тухачевского	49
Год 1930-й	54
Глава 1. «Тряпочный» парашют	55
Глава 2. Сюрприз	61
Глава 3. Авиабус	68
Глава 4. Пополнение	72
Глава 5. Самолёт-гибрид	78
Глава 6. Лётчик «милостью божьей»	83
Год 1931-й	86
Глава 1. Десантный отряд	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Жить не напрасно

Владимир Казаков

Иллюстратор Елена Бессонова

Редактор Елена Бессонова

Дизайнер обложки Елена Бессонова

© Владимир Казаков, 2020

© Елена Бессонова, иллюстрации, 2020

© Елена Бессонова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-3900-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Владимир Борисович Казаков, бывший военный планерист ВДВ, летчик-испытатель, пилот ГВФ, сам Гроховского никогда не видел, но еще в молодости, будучи в начале сороковых годов курсантом военно-планерной школы, слышал о нем. Гроховский уже был, что называется, не у дел, но легенды о нем продолжали жить в воздушно-десантных войсках и в авиации. О нем, порой с преувеличениями, рассказывали как о «возмутителе спокойствия», дерзком и смелом экспериментаторе, способном создать любое авиационное чудо. И эти легенды, это имя запали в память молодого пилота. Кроме того, он ведь прыгал на хлопчатобумажных парашютах Гроховского, сбрасывал грузы в его картонажных мешках, контейнерах, видел его системы подцепок, много летал на транспортно-десантных планерах, дорога в небо которым была открыта тоже в КБ Гроховского. И Казаков тогда еще, во время Великой Отечественной войны, уже твердо знал, что зачинателем техники ВДВ был Павел Игнатьевич Гроховский.

Шли годы. Летчик Владимир Казаков стал писателем, автором многих книг об авиации и воздушно-десантных войсках. И здесь, на этой новой профессиональной стезе, его ждало неожиданное открытие: он обнаружил, что имя Гроховского почти не встречается на страницах истории нашей авиации.

Поиск привел писателя в архивы, к семье Гроховского, к встречам с бывшими работниками Осконбюро и Экспериментального института, к разрозненным публикациям 30-х годов.

Кроме упомянутых мною защищенных авторскими свидетельствами изобретений, заявок, Владимир Казаков нашел еще более ста разработок Гроховского и его сотрудников, порою удивительных до неправдоподобия, фантастичных, но живущих и до сих пор в чертежах, рисунках, фотографиях, конструкциях других авторов.

Около десяти лет Владимир Казаков собирал материал – и появилась книга о первом в мире конструкторе воздушно-десантной техники и его ближайших помощниках.

Я уверен, равнодушным к остросюжетному документальному повествованию никто не останется.

Игорь ЧУТКО, член Советского национального объединения истории и философии, естествознания и техники Академии наук СССР

Пролог

Чумазый паровозик, отфыркиваясь паром, с трудом вытягивал на пологий затяжной подъем два раздерганных зеленых пассажирских вагона и щерблённые пулями теплушки, набитые людьми. Их, казалось, выдавливает кто-то изнутри в широко раздвинутые двери, и лишь прочные брусья, положенные поперек проемов, не дают людям вывалиться.

Солнце прокаливало ржавчину на крышах. Внутри вагонов духота, мухи, резкий запах сизого махорочного дыма. В одном из купе на нижней полке, свободно раскинувшись, спал человек. Его голова покоилась на вещмешке, лицо прикрывала поношенная мичманка с продольной трещиной на лаковом козырьке. Из-под расстёгнутого матросского бушлата виделся зеленый френч и клинышек полосатой тельняшки. На спящем были синие кавалерийские брюки с вшитыми у колен лосинами, хромовые запыленные сапоги.

На багажных полках и на верхних спальнях потели люди, уместаясь там по двое-трое. Внизу, напротив этого не то матроса, не то кавалериста, не то анархиста из красных отрядов, сидели человек шесть – мужики в поддевках и замызганных шинелях с чужого плеча, железно-дорожник в полной форме, парень, похожий на рабочего, молодая крестьянка с круглой корзиной на коленях, полно набитой и прикрытой серой дерюжкой. Теснились, но никто не пересел к спящему, хотя место на его лежанке было. В то время и не церемонились, могли притиснуть к стенке любого, а то и на ноги сесть. Терпели, осторожничали, не решались.

И не великан лежал – человек среднего роста, довольно худой, если судить по узкому запястью темной руки, свешивающейся к полу. Другая рука пряталась между бедром и затертой стенкой под полой бушлата, из-под нее высывался красный носок деревянной коробки маузера.

Старый вагон раскачивался, скрипел, колеса гулко бились о стыки рельсов, позвякивали торчащие куски разбитых стекол. Давя этот шум, орали – разговаривали мужики, обсуждая виды на урожай и дела – события.

Человек в бушлате спал, сквозняк шевелил его мягкие русые волосы. Не пробудился он и тогда, когда лязгнули буфера, ударив по ушным перепонкам, как хлопки разорвавшихся вблизи «лимонок». Не проснулся и от звуков редких выстрелов, и даже тогда, когда женщина, повернувшись к окну, вдруг истошно завопила, округлив налитые испугом глаза:

– Бандиты-ы-ы!

Спящим, мужчину в матросском бушлате, накрыли пестро одетые молодчики атамана попа-расстриги Никандра. От рывка лопнул тонкий коричневый ремешок маузеровской коробки. Подняли грубо, сорвали с плеч бушлат, встряхнули как куль.

– Кто таков есть?

Двое дюжих парней стянули руки за спиной петлей тонкого шнурка-удавки. Постарались так, что в одном месте брызнула кровью кожа; а щуплый, с вострым носом в прыщах ловко, сноровисто обшарил карманы. Заорал, открыв вонючую лягушачью пасть:

– Документ красный с печатью! Большак! Тащи его к батьке, робя!

Ударом пудового кулака меж лопаток выкинули в проход. С подножки сапогом в зад. Пропахал лицом и грудью моряк-кавалерист жесткую горячую землю полуденной июльской степи. Повернувшись на бок, поджал ноги и встал.

– А ну, пошел, гад! – завизжал прыщеватый.

Атаман Никандр – старик лет шестидесяти, волосами белый, носатый, щеки – ямы, глазницы сине-добрые – одетый в белый ватный татарский жар-халат, полулежал в тачанке рядом с пулеметом. Пил молоко из голубого эмалированного чайника, капли невидимо катились по седой бороде-клину. Бросил в руки одному из бандитов чистую, расшитую крестиками рушницу. Приказал:

– Оботрите лик грешнику! – И бросил связанному: – Исповедуйся, отрок, кто, откуда, зачем?

– Это большак-комиссар, батька! – заверещал востроносый с лягушачьей пастью и протянул атаману слегка помятый розовый квадратик картона.

– погоди, не суетись, Крынзя, – буркнул Никандр, но бумагу взял. Щурясь, прочитал. – Хе, да ты, отрок, крупная птица в красном пере! И имечко твое как у святого... Павел. Если говорить будешь, помолившись и примиримся. Только не лги, взглянь, небушко чистое, бог неправду сразу увидит.

Пленник отвернулся. Он смотрел на поезд. Из тамбуров, дверей теплушек летели вещи и люди. Истошные крики, брань, стоны, свист плетей. Пыль у откоса. Тачанки, телеги спешно набивались барахлом. Людей делили на две неравные толпы, ту, что поменьше, держали под стволами винтовок.

– Поверните его лик ко мне, ребятушки, толкните поближе, – поставив чайник в ноги, ласково пропел Никандр. – Еще ближе... Вот так, ладненько.

В подножку тачанки уперлись колени пленника. Глаза в глаза. Выцветшие атамановы столкнулись с серыми, дерзкими. Не скоро оторвались друг от дружки. От напряжения закипела слеза на дряблом веке Никандра. И высохла.

Неторопливо, вяло зашевелились костистые руки попа-расстриги, вытащил он из-под задницы медный крест фунта два весом и неуловимо быстро клюнул острым ребром поперечины в плечо пленника. Хрустнула ключица. Зрачки пленного потемнели, расширились до век, пошатнулся он, но глаз не отвел. Разжал кровоточащие губы и плевком испачкал белоснежную бороду Никандра. Не дрогнул Никандр, ни на дюйм назад не подался.

Утерся поп-расстрига рукавом жар-халата, изрек спокойно, медовым голосом:

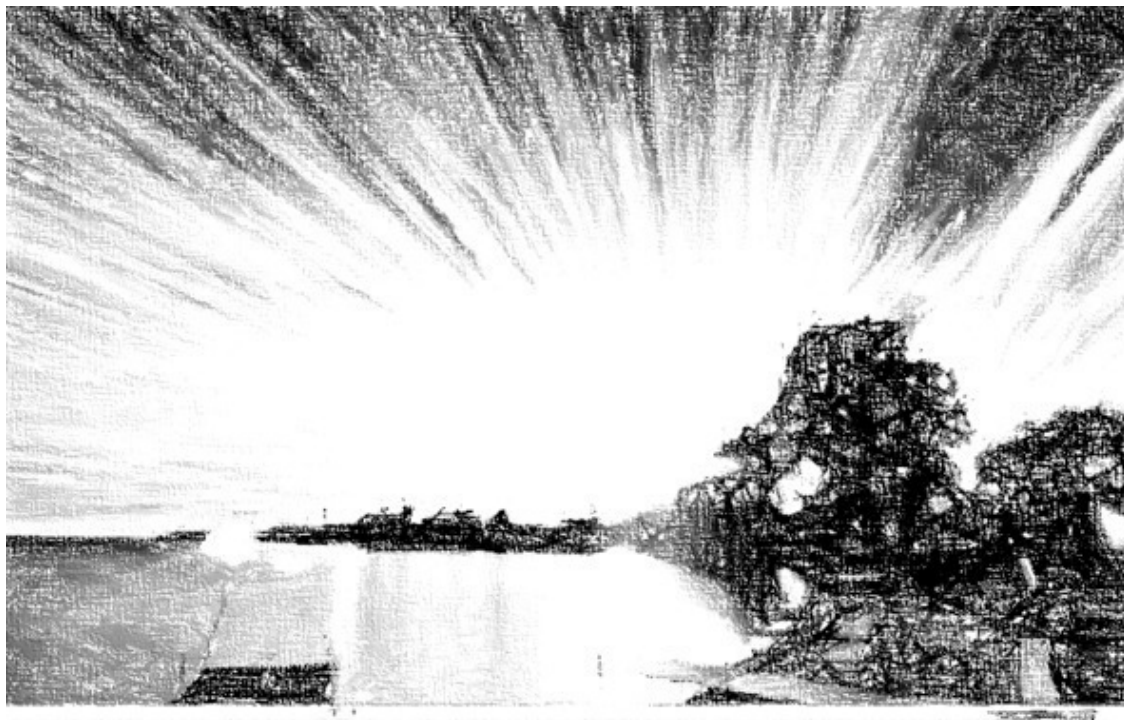
– На этом свете тебя оставлять нельзя, отрок. Строптив ты и жить будешь трудно. Конец у тебя один – предрекаю. И скорый. Так лучше уж сразу на небеса, чтобы не мучился в мире несправедном. Изыди в кучу! Красный мандат прилепите ему, грешнику, как дьявольский знак на грудь. Развяжите ему руки, пусть уйдет в тот мир без пут. Аминь!

В кучу – это к тем, кто под стволами наганов и обрезов, где пьяный гогот и свист нагаек.

Картонку мандата, прорвав грязным пальцем в середине, нацепили пленнику на пуговицу левого кармана френча. И в эту маленькую розовую мишень ударили почти в упор из трехлинейки. Пуля прожгла букву «н». Не упал, медленно сложил ноги красный командир. Лег на бок, на спину, раскинул руки, будто пытался обнять все, что вмиг терял. Не закрыл и светло серых глаз. Тогда слюнявый Крынзя, страшно недовольный, что не услышал стона или мольбы, вlepил, матюгаясь, в грудь командира еще кусок горячей меди из браунинга...

Шел 1921 год.

Начало

Почти во всех делах самое трудное – начало.
Ж.-Ж. Руссо

Глава 1. Эпизоды

Лидия А. Гроховская¹ вспоминает:

...Кто встречал весну в Евпатории? Солнечное тепло и ветер с моря. Можно гулять в легком красивом пальто или теплом костюме. Можно пройти по бывшей Лазаревской, теперь улица Революции, вызывая восхищение встречаемых мальчиков: «Какая хорошенькая!»

У меня нет красивого нового пальто, нет и костюма, я хожу в школу в жакетке бежевого цвета, переделанной из чего-то старого. На Лазаревской мне делать нечего. Там скорее заметят серую мышку, чем девочку, одетую как я.

Учусь старательно, кончаю восьмую группу средней школы, а дальше, после десятилетки, – вуз. Какой вуз, где вуз – неясно. Необходимо получить высшее образование, чтобы не прозябать, как большинство евпаторийцев, не знающих, куда применить силы, где и как заработать на жизнь: нэп, безработица...

Летом от приезжающих нэпманов местным жителям кое-что перепадает: кто-то сдает свою комнату, перебиваясь в летней кухне или в наскоро слепленном во дворе шалаше, кто-то на собственном ялике катает приезжих по морю, поет им песни, стирает белье, разжигает костры на песке. Грош в карман или обед из остатков.

В городе гастролирует известная в России театральная группа Сотникова. Можно купить абонемент на зимний сезон, и билет обходится всего 30 копеек. Вполне доступная цена даже мне.

И еще библиотека – маленький дворец, полный чудес.

В общем, жизнь не так плоха... Но мне не везет в любви. Меня губит начитанность и склонность к рассуждениям. Мальчики шарахаются, как только начинают понимать, с кем имеют дело. Школьные подруги накрепко окрестили меня «философом». А мне шестнадцать лет. Трудно человеку в этом возрасте. Учиться надо, учиться! Устраивать жизнь. Мама безработная, папа платит на меня алименты. Этим и живем.

Поглощенная собой, я почти не обратила внимания на весьма важное и яркое событие: в Евпаторию прибыл лётный морской отряд. На улицах появились стройные моряки с золотыми нашивками. Все ожило, жизнь приобрела смысл для многих. Надежды превращались в явь. И вот одна за другой выходят замуж девушки старшего поколения. За лётчиков! Предел мечтаний для местной девушки. Очень скоро все холостяки из отряда оказались женатыми, кроме одного...

В конце лета в Евпаторию приехал столичный балетмейстер, кликнул громко, и со всех сторон под его крыло порхнули девицы разных возрастов. В том числе и я. Начались увлекательные занятия балетным искусством. Я не блистала талантом. В концерте, который вскоре был поставлен в клубе «Водник», четыре девочки в черных туниках исполнили траурный танец под скорбные звуки Шопена на фоне Мавзолея. Меня и Катю Белинскую, красивую худощавую блондинку, поставили по бокам Мавзолея, откуда мы читали:

– «Не плачьте над трупами павших бойцов...»

Ещё я участвовала в массовом танце гладиаторов в коротенькой тунике из красной марли, с деревянным мечом и раскрашенным щитом из картона. Мы под военный марш Шуберта изображали сцены из далекой эпохи жестокого римского владычества. Все были довольны, особенно сами артисты.

Вскоре я отошла от балетной студии: не было денег, а занятия платные...

Приближался новый 1928 год. Знакомая девочка одолжила мне настоящий украинский костюм, и я отправилась с подругой в театр на бал-маскарад. Самые разнообразные маски

¹ Лидия Гроховская – жена П. И. Гроховского

чинно прогуливались по коридорам и в фойе. Там среди толпы я увидела Катю Белинскую в костюме Пьеретты. Одна половина костюма черная, другая – белая. Рядом с ней последний неженатый летчик по фамилии Гроховский. В городе давно поговаривали, что Гроховский женится на Белинской, тут ничего удивительного не было. Я заметила, что эти двое смотрят на меня и о чем-то оживленно говорят, улыбаясь. Я подумала, что Катя рассказывает своему кавалеру обо мне что-то хорошее. «Славная Катя!»

Позже мы познакомились с Павлом Гроховским в театре на концерте. После концерта перед танцами – перерыв. К нам подходит малознакомый парень из гражданских. Разговор не клеится. Вдруг перед нами возникает летчик Гроховский. Парень представляет его мне:

– Познакомьтесь, это Павел Гроховский! – и уводит подругу.

Мы остались вдвоем с новым знакомым. Заговорили...

Рядом танцевали, а мы ходили и разговаривали, разговаривали – о стенной газете, о «живой газете», о строящейся авиетке – обо всем, чем он тогда с увлечением занимался.

Потом он провожал меня по безлюдным улицам, мимо библиотеки и театра, по Дувановской, Санаторской. Навстречу дул теплый ветер с моря.

Павел Игнатьевич Гроховский

У нас с мамой большая светлая комната с окном на запад. С этой комнатой связаны почти все мои воспоминания детства. Мы живем в двух кварталах от моря на углу улиц Гоголя и Санаторской. Санаторская одним концом упирается в лечебницу для военных. Я помню военных первой мировой войны, поправлявших здесь свое здоровье. Корсеты, протезы, специальные костюмы, а на пустыре рядом куча гипсовых рук и ног. Запах лекарств и гнили.

Все это наводило на меня ужас.

Потом появились другие военные, в которых не замечалось надменности, отличавшей офицеров царской армии. Но корсеты, костыли и гипсовые конечности я видела по-прежнему. А Гроховский – военный... У нас с мамой нет секретов друг от друга. Милая мама терпеливо и со вниманием слушает о моем новом знакомом. Ложимся спать на рассвете.

Следующее свидание с Павлом на набережной. С ним пришел Рон – черный пес, гладкий, блестящий, с желтыми глазами, с удлинённой мордой и длинным туловищем. Он носился по пустынному пляжу, вскакивал на каменный парапет и замирал темным силуэтом на фоне закатного неба. Набережная вся наша. Кругом ни души. Мы долго гуляли под звездами, только Рон пронесся мимо стрелой, глупый от молодости и весны.

Встречаемся с Павлом каждый день. Мне с ним интересно и хорошо. О замужестве не думаю – я хочу учиться в вузе. Павел решает иначе.

– Лидуся, выходи за меня замуж.

– Но я ещё учусь в школе...

– Мы только распишемся, а жить будем в разных комнатах.

– А если скажу «нет»?

– Я этого не услышу.

– Есть еще одно «но», – говорю я. – Не люблю заниматься хозяйственными делами.

– И не будешь! – восклицает Павел. – Я все умею делать, и многое даже хорошо.

Больше я ничего не придумала и склонила голову.

В загс нам пришлось сбежать на большой перемене. Возле школы меня ждали Павел и его товарищи-свидетели с букетами цветов. Мы помчались, чтобы успеть до начала следующего урока. Процедура регистрации заняла не более десяти минут.

Замужество надо было скрывать, чтобы не исключили из школы, а так хотелось поделиться с подругами. Так язычок горел, что пришлось пить холодную воду.

Незадолго до замужества Павел рассказал мне о своей первой, горячо любимой жене Ксении. Когда кончилась гражданская война, он недолго был комиссаром Черного и Азовского морских побережий, в Севастополе встретил и полюбил девушку. Ксения, дочь известного профессора медицины, была единственным ребенком в семье. Павел постарался создать ей беззаботную, приятную жизнь и развлекал, как мог делать только он. Но, по-видимому, родства душ не получилось. Она не разделяла его интересов, отрывала от него друзей, считая их неинтеллектуальными. А тут ей подвернулся «друг» из осколков разбитого прошлого. У него даже какой-то титул был, не то граф, не то князь бывший. С ним Ксения уехала в Ленинград, забрав с собой двухлетнюю дочь. К этому времени Павел окончил лётную школу. Потеряв Ксению, от отчаяния он хотел подняться в воздух и разбиться. Поднялся. Неожиданно рядом с самолетом увидел орла. Очень близко, почти у крыла. «Мы поговорили с ним и решили, что нужно жить еще долго-долго», – всё это на полном серьезе рассказывал Павел. Я верила, что в том состоянии он мог говорить с птицей, с богом, с чертом, с кем угодно.

И боль начала утихать. Деятельная натура Павла брала свое. И вдруг приходит письмо. Ксения просит разрешения вернуться. Павел из тех мужчин, которые не прощают уходов, даже если любят. Павел отказал, но, так как к тому времени Ксения серьезно заболела, предложил обеспечить ее лечение в самой лучшей больнице. Ксения не приняла это от него, она застрелилась.

У Павла остался альбом, посвященный только ей. На первых листах маленькая девочка, затем подросток. Её цветные рисунки. Тонкие отточенные линии, яркие краски. Кажется, писано не кистью, а пером. Больше – портреты. Она была талантливейшей миниатюристкой.

Вспоминая свою жизнь с Павлом, я переносусь в дни нашей юности.

...1 мая 1928 года я решила отправиться на загородное поле, где должна состояться демонстрация с участием авиаторов: полеты по кругу и фигуры высшего пилотажа.

– Приходи обязательно, – сказал Павел, – я буду летать для тебя.

Чем-то занялась по дому и потеряла счет времени. К началу я опоздала и не видела полетов. После конца демонстрации вернулась домой. Приходит Павел, спрашивает:

– Видела?

– Нет.

– Не ходила совсем?

– Пришла, когда вы уже не летали. Извини, Павлик.

– Эх ты, а я всю публику уложил на землю! Сейчас бегу, для меня готовят гауптвахту. Приходи к штабу, я буду сдавать там оружие.

Оказывается, он делал фигуры так низко, что публика в страхе падала. Люди боялись поднять головы, только вихри крутились над ними да пыль.

Павел ушел. Я собралась с силами, приделась и отправилась к зданию штаба авиаотряда, где он поджидал меня на улице. Показал желтый листочек – записку на арест.

Пришли, сопровождаемые дежурным командиром и красноармейцем на гауптвахту, спустились в подвал. Небольшое помещение выглядело просто – одноярусные нары, столик, большое светлое окно, – но чисто, пожалуй, уютно, на мой взгляд. На окошке даже решетки не было.

– А тут терпимо! – удивляюсь я.

Но Павел вынул из кармана перочинный ножик, приподнял угол матраца на деревянной лежанке, поковырял лезвием в щелке меж досок и категорически заявил:

– Клопы! С ними сидеть не буду!

– Придется, – сказал дежурный командир, усмехаясь.

– Вы забыли о приказе командующего ВВС по этому вопросу, – резко произнес Павел.

– Так и вы забыли о приказах, когда куролесили в воздухе!

– Не следуйте дурным примерам!

Дежурный шагнул к нему, громко приказал:

– Кобуру с ремня снять! Все, что в карманах, на стол!

Павел хмыкнул и не торопясь направился к выходу. Дежурный с красноармейцем пытались задержать его за руки. Вот когда я увидела, что может сделать среднего роста мужчина, если он силен и достаточно уверен в себе. Павел как-то резко развернулся – и те двое посыпались в разные стороны, а я, подтолкнутая падающим красноармейцем, полетела в темный коридор. Упала на что-то мягкое. Пошарив в темноте руками, Павлик извлек меня на свет и, взяв под руку, повел со двора. Дежурный вслед кричал:

– Вернитесь! Назад! Стрелять будем!

Павел даже не обернулся. Мне сказал:

– Отправляйся домой, а я заверну в штаб, потребую перевода из этой части. Добиваюсь давно, теперь переведут с удовольствием.

– А тебя не накажут?

– Добавят суток трое обязательно...

Добавили пять. К тому времени меня уже выгоняли из школы. Директор узнал о моем замужестве и решил немедленно удалить меня из школы, дабы другим ученицам неповадно было вступать в ранний брак. Я сопротивлялась, как могла. До окончания школы чуть больше месяца, неужели уходить? Директор настаивал, я не подчинялась, ходила на занятия.

А тут перевод Павла, говорит – в Новороссийск. Нужно сдавать экзамены экстерном. Вместе с Павлом сидим ночами, учим, потом ходим по квартирам учителей. Павел заговаривает их, кормит болгарскими мандаринами, даже если они не хотят их есть, у него хорошо получается. С грехом пополам закончили с занятиями.

Спешно готовимся к отъезду в Новороссийск. Мама собрала мне чемодан с приданым. Из своих вещей он что-то продает, расплачивается с теми, кому должен. И пакует, им построенный маленький самолет-авиетку.

Интересно, что делал бы Павел, живи он в давние времена? Наверное, хорошо стрелял бы из лука и мчался на свирепых скакунах. В общем, в прошлом я его видела воинственным скифом. На лошадях он классно джигитовал и в нашу эпоху.

Как-то на городском футбольном поле состоялись конные состязания. Мы пошли смотреть. Объявили выступление командира кавалерийской части. Он должен продемонстрировать прыжки на лошади через барьер, свитый из хвороста, потом через ров с водой.

Командир скачет на рослой поджарой кобылице. Публика встречает всадника одобрительным гулом. Галоп. Барьер приближается, и... рыжая лошадь встает на дыбы и кружится на месте. Снова разгон, прыжок, барьер валится – лошадь сбивает его копытами. Всадник нервничает, дергает лошадь. Та горячится, не подчиняется поводам, от ямы с водой уходит в сторону.

Третья попытка взять препятствие также кончается неудачей. Зрители тихо переговариваются. Неловко и публике и герою скачек.

Всадник, красный от стыда, соскакивает с лошади.

Мой Павел срывается с места, подбегает к огорченному наезднику, просит разрешения сесть на рыжую кобылу, попытать счастья.

Командир сначала отказывает, но, видя, что публике очень хочется увидеть летчика в морской форме на лошади, раздраженно бросает:

– Берите чертову куклу, ничего у вас с ней не получится! С ней работать еще надо.

Павел обнял храпевшую лошадь за шею, огладил её, потом мигом взлетел в седло и проехал два круга шагом. Тихо «беседовал» с возбужденным животным, похлопывал лошадь по крутой шее. Потом постепенно разогнал, и она в благодарность мягко перенесла его через барьер, а затем и через водное препятствие.

На трибунах было удивительно тихо. Павел повторил прыжки.

Что тут началось! Толпа кричала, вопила, рукоплескала:

– Браво, летчик! Силен, морячок!

Муж оставил лошадь, поднял с земли фотоаппарат, снятый с плеча перед скачкой и, дружески распрощался с командиром-кавалеристом.

– Будь добрее к ней, командир, она в беде не подведет...

Вечером я узнала от Павла, что в гражданскую войну он был лихим рубакой в дивизии Павла Дыбенко², где комиссаром была Александра Коллонтай³ и воевал на Южном фронте. Сформировав дивизию, Дыбенко сменил морской бушлат на черкеску, а Павел расстаться с бушлатом и бескозыркой не захотел, считая, что в стремительной конной атаке моряк на лошади вдвое страшен врагу. Павел вспомнил вот такую же рыжую лошадку, которая, сама умирая, спасла ему жизнь.

Случилось это так: вырвавшись вперед и будучи отсеченным от своих конников, очутился он среди десятка злых гайдамацких сабель, и острая сталь, свиснув, прошла на дюйм от затылка. Лошадь в это время взбрыкнула, и сабля, не потеряв силу замаха, отрубила ей хвост по самую репицу⁴. Обезумевшая лошадь дикими скачками вынесла всадника из неравной схватки, принесла к своим и тут же рухнула, обескровленная. Павел, как погибшему другу, закрыл ей глаза, поцеловал в ещё теплый храп⁵.

Рыжая лошадь на футбольном поле напомнила мужу его храбрую боевую лошадку. Может быть, эту историю и прошептал он в лошадиное ухо перед тем, как взять барьер...

В этот же вечер я узнала многое из его жизни.

Дедушку Павла выслали в Сибирь за участие в восстании польских патриотов 1863 года. Там он обосновался с женой, тоже полячкой. Их сын, Игнатий Осипович Гроховский, оконча-

² Павел Дыбенко – российский революционер, советский политический и военный деятель, 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР, командарм 2-го ранга (1935).

³ Александра Коллонтай – русская революционерка, государственный деятель и дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР

⁴ Репица – Хвостовой отросток у позвоночных животных, покрытый шерстью

⁵ Храп – часть носа лошади выше ноздрей

тельно прижился в России, переселившись поближе к городу Тверь, в Осташково, где и встретил Анастасию Власьевну, ставшую его женой.

У них было уже шестеро детей, и все мальчики, когда родился Павел. Произошло это на станции Вязьма, где тогда начальником работал отец.

Он ждал девочку, поэтому, когда ему сообщили о рождении еще одного сына, ответил грубо, отмахнувшись:

– Пошли к черту с вашим сыном!

Дочку он все-таки дождался, Катеньку, самая младшенькая была самой любимой в семье.

Из восьми детей у Гроховских осталось в живых только четверо – Павел, два его брата и Катя.

В Твери Павел окончил четырехклассную школу и перешел в реальное училище, но пробыл там всего два года. Жизнь заставляла работать, и, уехав в Москву, он стал учеником аптекаря.

В 1917 году записался добровольцем в Ревельский отряд революционных моряков. Защищая Петроград, участвовал в боях под Пулковом. Служил рядовым матросом в Особом береговом отряде при Народном комиссариате по морским делам, когда наркомом стал Дыбенко. Этот отряд нес вахту по охране Москвы, и командовал им бесстрашный Николай Антропов. С 1919 года Павел – коммунист. Всю гражданскую войну сражался в составе красных частей под командой Павла Дыбенко, потом Ивана Кожанова.

Коробка маузера у Гроховского была красной, сам покрасил, чтобы ни у кого не возникало сомнения, на чьей он стороне. Любил поплясать, читать стихи и петь у костров на бивуаках – и вдруг исчезал среди общего веселья, и мало кто знал, что он напросился в разведку.

В пеших атаках под пулями не ложился. В конных – не оглядывался назад. В одном из таких боев, грудь в грудь, и вынесла его из рубки рыжая лошадь.

В двадцать лет выбрали Павла командиром роты. Оказалось, что, кроме горячего сердца, у парня есть еще и «царь в голове». Дыбенко, обсуждая со штабными какую-нибудь хитроумную операцию против белого воинства, нередко сажал рядышком с собой Павла. И когда решение было принято, выходил с ним полюбоваться звездами.

– Ну как, комроты, правильно мы накумекали? Скажи пару слов.

Честолюбивый Павел зря рта не раскрывал, говорил только по делу.

А за одну операцию, где подсказка молодого командира привела к большому успеху, протянул ему командир дивизии новенький маузер с надписью на рукоятке: «Павлу Гроховскому от Павла Дыбенко». Это оружие хранилось у нас до 1937 года.

Не раз Павел был на краю гибели, но находчивость и отвага, а может быть, особое везение спасали его. Как-то, приехав к родным на побывку, он неожиданно попал в водоворот эсеровского мятежа. Близкий товарищ детства выдал его заговорщикам, а те приговорили большевика Гроховского к расстрелу. Получилось так, что вел его в тюрьму молоденький конвоир. Время было тяжелое, конвоир голодный. Шли мимо трактира.

– Слушай, браток, – сказал Павел, – зайдем, отведаем яичницы, да и выпить не мешает. Деньги у меня есть.

«Браток» поколебался немного и штыком подтолкнул Павла к дверям трактира.

– Только я тебя свяжу.

– Я что ж, как свинья из лоханки лопать буду?

– Тогда в угол к стенке садись.

Им принесли еду, обильную, арестант на деньги не поскупился.

– Ты, браток, закусывай, пей, а я на минутку в галльон загляну, – сказал Павел и решительно встал.

Ни «да», ни «нет» солдат вымолвить не успел, рот его был набит до отказа. Павел быстро вышел из зала, и когда конвоир вскочил, промедлив, бросился за ним, он уже скрылся через заднюю дверь трактира.

Из Твери выбрался на лошади, прихватив ее, подседланную, около штаба мятежников. Пыль проселочных дорог заметала его следы.

Скорее на фронт. Жаль, не удалось попрощаться с родными...

Гроховского с небольшим отрядом моряков откомандировали на суда Волжской флотилии. И тут они не посрамили честь балтийцев. Но война – это не ежечасные схватки, сражения, выпадает и свободное от боевых забот время, случаются затишья. И тогда вытаскивал Павел из кубрика тюфячок, бросал на палубу в укромном месте. Днем видели его там с книжкой в руках. Книжки и журналы занимали половину его окованного медью матросского сундучка. Интересовала его техническая литература, истории создания и описание кораблей и самолетов. И не восхищался он тем, что узнавал. Многие из конструкций казались ему нецелесообразными. Не признавал он прямых углов в движущихся машинах, «тупых лбов», как он выражался, видя прямоугольные надстройки на пароходах. Немножко рисовал катера и пароходы с натуры, только получались они у него непохожими: дымовые трубы он скашивал по ходу судна, орудийные башни рисовал каплевидными, корпуса судов удлинненными, хищно устремленными вперед.

Однажды в отряд Волжско-Камской флотилии, где служил Павел, на двухместном гидроплане прилетел с донесением летчик. Уж как обхаживал его Павел, упрасивал покатасть. Летчик ссылаясь на горячее в баках:

– В обрат до Астрахани не хватит.

Уговорили летчика не спешить, отправиться в путь с рассветом. И пока его кормили «как принца», потчевали душистым чаем, дынями, положили спать на пуховую перину, Павел с группой лихих ребят проник в городишко, занятый белыми, реквизирует там бочку с бензином. В темноте по буеракам тащили ее на санитарных носилках.

Утром обрадованный подарком летчик все-таки прокатил Павла на гидроплане. Однако восторга на лице пассажира не увидел.

– По хорошей дороге я тебя на автомобиле обгоню, – сказал Павел. – Твою птицу можно сбить из рогатки.

Раздосадованный такой неблагодарностью летчик крепко матюгнулся, но быстро успокоился, получив в дар новенький короткоствольный английский карабин с тяжелой пачкой патронов и жбан с самогоном-первачом.

После гражданской войны Павла пригласили в Москву на должность комиссара Черного и Азовского морских побережий. Рекомендовал его Дыбенко. Проработав на этом посту недолго, Павел написал рапорт-просьбу отпустить его на учебу в школу авиационных механиков на моторное отделение.

– Сдав пост высокого ранга, вы желаете быть мотористом? – удивленно спрашивали его.

– Буду летчиком. Военно-морским, – отвечал Павел. – Для меня в летную школу только два пути: или добывать среднее образование, что долго и сложно, или через школу младших авиационных специалистов. Второй путь значительно короче... и приятней, если учесть мою любовь к технике.

Годы учебы, и вот он военно-морской летчик, служит сначала в Одессе, потом в Евпатории, а теперь его направляют в Новороссийск, в 44-ю эскадрилью.

Что бы вы сказали, если бы получили направление во Владивосток вместо Владикавказа? «Это две большие разницы!» – сказали бы вы. Так вот, ехали мы на грузовике очень медленно. Причалили в Новороссийске, а там никакой авиационной части нет. Ошибочка вышла. Павел считал – писарь напутал. Но мне кажется, так его наказали за свободомыслие.

– Спокойно, спокойно, – сказал Павел, – переживем и это. Посиди тут на пристани, помечтай, поразмышляй, а я еще разок смоताюсь в город, разведая, что к чему. Закусить у тебя кое-что есть. Рон тебя охранять будет. Сторожи, Рон!

У меня было много времени. Сидя на чемодане, я вытащила альбом мужа и стала его листать.

Большой желтый альбом в солидном кожаном переплете. Лётные снимки. Здесь все ученичество и летная деятельность после школы. Вот фотография Зины Кокориной⁶. Скромная, русоволосая, в военной гимнастерке прислонилась к самолету. Она единственная из женщин за время пребывания Павла в авиашколе сумела закончить ее, не сбилась с пути и не погибла, как, например, другая летчица Нина Чудак. На желтоватой фотографии Нина, с милым молодым лицом, укрытая до пояса каким-то полотнищем, лежит возле бесформенных обломков самолета. Рядом стоят летчики с обнаженными головами.

Авариям и катастрофам посвящена большая часть альбома. Подавленная, смотрела я на истерзанные аппараты, обгоревшие трупы людей и думала: «Как он это мог фотографировать, как ему было не страшно?!»

Павел говорил, что бесстрашных людей не существует. Всякий боится, только один умеет подавить в себе это чувство, другим не удастся. А фотографировал он для того, чтобы помнить эти трагедии и впоследствии сделать безопасный самолет. Он уже сделал сам, своими руками, авиетку⁷, но она еще не отвечает его требованиям к безопасности. Но он сделает... У него всегда была такая уверенность в своих силах, такая веселая смелость в жизни. Я чувствовала себя с ним в полной безопасности.

Терпеливо сижу на пристани около товарного склада, жду.

Вот и Павел. Держится бодро.

– Все в порядке, – говорит. – Сдаем барахло на склад, и нас ждет шикарный номер в гостинице. Где надо побывал, все узнал точно и даже на станцию слетал за билетами. Деньги еще остались. Завтра вечером в путь.

Скромная меблированная комната в гостинице действительно показалась мне роскошной, но, к сожалению, денег хватило только на оплату за одни сутки проживания. На оставшиеся три рубля купили торт, разделили его по-братски на три равные части: Павлу, мне и Рону. Жить не на что! Всё.

– Не горюй, Лидуся. Завтра отправимся в Ростов – на-Дону и узнаем, где базируется наша эскадрилья. Говорят, она от города недалеко, в живописном месте.

– Пешком? – спрашиваю. – Добираться от вокзала будем пешком?

– Ты о деньгах, что ли? Пустяки. Утро вечера мудренее.

Утром, когда я еще была в постели, Павел отправился в городскую секцию Осоавиахима⁸ и подарил там свою авиетку. Я знала – от сердца оторвал. Обрадованные осоавиахновцы дали ему взаймы двадцать пять рублей, и мы, подкупив на базаре дешевых харчишек – сало, лук, – отправились по Советскому Союзу искать 44-ю эскадрилью.

В полдень мы на Ростовском вокзале. Вещи отдали в камеру хранения, сами на трамвай. За трамваем бежит Рон, не отстаёт. В вагон его не пустил кондуктор. Рон бежит, пытаясь обогнать трамвай с левой стороны – вот-вот попадет под встречный! – но он вывернулся буквально из-под колес, потом выскочил из-под нашего вагона и встретил нас на остановке, помахивая коротким хвостом.

⁶ Зинаида Петровна Кокорина – первая советская лётчица.

⁷ Авиетка – маленький самолёт со слабосильным мотором

⁸ Осоавиахим – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927—1948 годы, предшественник ДОСААФ.

Павел отправился в здание штаба округа, а меня опять усадил на скамейку в скверике напротив.

– Жди. – И Рону: – Охраняй!

Сижу час, сижу два. Нет Павла. Есть захотелось. Пожевали с Роном сала с хлебом. Волнуюсь и немного злюсь.

Смотрю, идет мой летчик, улыбается.

– Извини. Чинуш и здесь хватает, гоняли из отдела в отдел. И все-таки выяснил, что нам надо ехать в Новочеркасск. Вот так штука! Новороссийск – Новочеркасск, оба города начинаются на «ново...». Тогда, действительно, мог и писарь напутать.

В Новочеркасске тоже ночевали в гостинице. Разрядом похуже, с клопами, и Павел всю ночь просидел одетым на стуле. Утром отправился в часть, расположившуюся летним лагерем на окраине, которая называлась Хотунок. Позже там мы сняли комнату в хате у молодой казачьей семьи. Сдали они нам горницу с пышной кроватью, деревянным столом и парой табуреток. В переднем углу три закопченные иконы.

Иконы по требованию Павла мы вынесли, бумажные яркие цветы, украшавшие стены, не понравились мне. Павел развесил фотографии, которые были им оформлены особенно: одна вмонтирована в опиленный обломок пропеллера, другая выглядывала из какого-то прибора с разбитого самолета, у третьей рамочка из витого желтого целлулоида, все – оригинально. Прикрепили к стене и большую географическую карту РСФСР. Стол он накрыл зеленой бумагой, поставил портрет Ленина, а сбоку положил альбомы. Павел с такой нежностью обтирал их мягкой тряпкой.

Замечательной чертой моего мужа было то, что он никогда никого не ругал за промахи, а только огорчался, и это ярко выражалось на его лице...

В понедельник Павел принес из лагерной столовой синюю книжечку талонов, где на каждый день было расписано: завтрак – 25 копеек, обед – 50, ужин – 25. Мое пропитание. Я должна ходить в лагерь, чтобы быть сытой. Правда, мы прикупили НЗ – неприкосновенный запас – несколько фунтов сухарей, сахарную голову.

И вот первый ужин в огромной зеленой брезентовой палатке. За длинным, добела выскобленным деревянным столом молодые летчики, некоторые с женами. Шутки, смех. Гречневая каша с маслом, душистый сладкий чай.

После ужина мы с Павлом ходили к кому-нибудь в гости, но чаще отправлялись домой, ему, как молодожену, разрешили ночевать в деревне, а с восходом солнца – на полеты...

Мой муж получил повышение по службе, стал командиром звена. Я находила, что новая армейская форма, особенно темно-синяя парадная, гораздо больше идет Павлу, чем морская. Он соглашался, тосковал только о кортике. В гимнастерке и галифе Павел выглядел моложе, стройнее. К его среднему росту и небольшой сутуловатости не шли брючные костюмы. Моей священной обязанностью на все время стала замена на его гимнастерке белых подворотничков, чистка латунных пуговиц до золотого блеска, в чем я преуспевала. Гладить форму муж мне не доверял. Драить сапоги тоже. Не побоюсь сказать, что флотская привычка к аккуратности в одежде заметно отличала его от многих летчиков.

Попав в начальники, Павел начал учить молодых летчиков полетам высшего класса. Однажды, показывая, что главное в летном деле точный глазомер, решил показать своим ведомым кое-что сверх учебно-боевой программы. Снизившись над зеркальной гладью донского разлива, он слегка отжал ручку управления, аккуратно тронул колесами аэроплана воду и снова взмыл вверх. Усердные ученики без его разрешения поспешили повторить маневр и... один за другим отправились на дно. Летчикам очень пригодилось умение плавать. Скоро их подобрали рыбаки, а самолеты в перевернутом виде отбуксировали к берегу. На первый раз Павла предупредили строго. Летчиков наказали выговорами, заставив вместе с техниками ремонтировать машины.

Началась учеба по бомбометанию. Цементные бомбы со взрывателем стоили двенадцать рублей штука, поэтому их расходовали очень экономно. Как тут практиковаться, если за каждую бомбу дрожит интендант?

И какие могут быть достижения, если на звено отпускается всего шесть учебных бомб в месяц. Думал, думал Павел и придумал: «Почему обязательно цементные, да еще с дорогими взрывателями? Не боги горшки обжигают!»

– Завтра, Лидуся, мы с тобой отправимся к здешним гончарам!

– Зачем?

– На выучку...

В гончарной мастерской дюжие, небритые мужчины в закатанных по колени штанах и без рубашек вертели ногами деревянные круги, а руками выделявали потрясающие вещи из глины – кувшины и горшки различных, даже причудливых форм. Работали играючи.

Павел поговорил с главным гончаром артели и так заразил его своим энтузиазмом, что тот сразу же принялся вытягивать на своем круге коричневые сосуды, похожие на греческие амфоры, и устанавливать их одну за другой на соседнем столе. Потом в жаркую печь. Дело пошло быстро. Правда, энтузиазм энтузиазмом, но платить за первые образцы учебных керамических бомб нам пришлось из своего кармана, зато стоили они в двадцать раз дешевле цементных.

Поглядев на гончарные круги, Павел сделал себе такой же и установил во дворе.

Теперь я частенько видела его измазанным в глине. И сама научилась выделять чашечки, вазы для цветов. Обжигать ходили в артель.

Вскоре с неба посыпались сотни бомб, начиненных молотым мелом и песком, окрашенными в разные цвета: у одного летчика розовые, у других зеленые, желтые, оранжевые, синие. Использовали мы анилиновые красители.

Через месяц на окружных соревнованиях 44-я эскадрилья вышла на первое место по точности бомбометания.

Лётчиков похвалили в приказе по военному округу. В эскадрилью приехал инженер с ромбами в петлицах и, поговорив с Павлом, предложил ему «застолбить» полезную находку. А как? Он толково и подробно объяснил.

Теперь мы сидели до полуночи при керосиновой лампе и составляли патентную форму: готовили чертежи, писали заявку...

Начало лета 1928 года – это начало изобретательской деятельности Павла Игнатьевича Гроховского. Созданная в Новочеркасске керамическая учебная бомба была первым в его жизни стоящим изобретением и вошла в историю вооружений Красной Армии как «*силикатная бомба Гроховского*».

В одно из воскресений в лагере проводились спортивные соревнования среди авиаторов. В беге на длинные дистанции готовился участвовать и Павел. Собралось немало народу. В то время армейские соревнования были праздником и для гражданских лиц, живущих неподалеку.

Все с нетерпением ожидали начала. Под военный марш, строем вышли бегуны. Среди них Павел. Заметив меня в толпе, он улыбнулся: мол, ничего, не подкачаю, все будет хорошо. Выстроились на старте, пригнулись, опустив руки к земле. Музыка стихла, публика перестала разговаривать...

– Внимание! Старт! Пошли дружнее! – И в воздух взлетела зеленая ракета.

Пошли, да не все. Павел рванулся вперед слишком энергично. Лопнула резинка на синих просторных трусах. Трусы упали. Ах, какой пассаж! Публика хохотала до упада. Павел водворил трусы на место, придерживая их смущенно улыбался. Но разобрался в обстановке быстро – сам захохотал. Прекратил смеяться он, прекратили и зрители. Быстро все вошло в нормальную праздничную колею, а как исчез Павел с линейки, никто и не заметил.

Почему я вспомнила этот казус?

В дальнейшем в деятельности Павла будут неудачи, над которыми хотелось бы позлословить его недругам, но он первым «смеялся» над своими «проколами», выбивая этим злое оружие из рук недобрых людей...

Глава 2. Ошибка бомбометателей

Самолеты приближались к полигону. Они шли немного растянутым строем. Наблюдающим с земли людям, четкие треугольники звеньев казались медленно летящей стрелой. Был слышен утробный рокот – звук нарастал, тяжелел, стрела удлинялась, пунктирно распадаясь на части. Теперь уже в белесое небо смотрели все прибывшие на командный пункт полигона.

Подняли головы, продолжая беседовать друг с другом, наркомвоенмор и начальник Генерального штаба РККА.

– Красиво идут!

– Превосходно, – согласился начальник штаба. – Отметим в приказе, что на манёврах авиация действовала отлично. Рад за товарища Баранова!

Начальник ВВС Петр Иванович Баранов⁹, на создание авиации положивший много сил, старался выглядеть спокойным и даже немного равнодушным, но ему удавалось это с трудом.

– Нуте-с, как смотрятся? – спросил он представителя ОГПУ Остапа Никандровича Нежила¹⁰, приземистого мужчину в сером габардиновом плаще.

– Хорошо подготовились, – ответил басом старый чекист, и его толстые бледные губы на уском, иссеченном морщинами лице расплылись в добродушной улыбке.

Командный пункт этого района маневров располагался на опушке смешанного леса, среди редких, тронутых осенним багрянцем деревьев. На поляне несколько палаток из темно-зеленого брезента, наскоро сработанный дощатый одноэтажный домик управления временного полигона с двумя высокими шестами антенн над красной черепичной крышей. Рядом притулились легковые автомобили – в большинстве «Поккарды» и «Форды» – и одна грузовая автомашины, коновязь с десятком подседланных лошадей, жующих овес из подвесных торб. Вот и вся внешняя обстановка командного пункта, если не считать пары мотоциклистов-посыльных, замаскировавшихся со своими «Харлей-Давидсонами» в ореховых кустах. Видимо, вдали от начальства им было спокойнее.

Редкие малорослые деревья и кусты отделяли еще зеленую поляну от огромного рыжего поля, посреди которого в «походную» колонну растянулись фанерные танки «синих», грубо сработанные макеты броневиков и телеги с поднятыми оглоблями, изображавшие самоходные пушки и орудия на прицепах.

На поляне и среди деревьев ходили и стояли группками военные авиаторы, кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы в больших чинах, среди них командующий войсками округа и представители Генштаба.

Петр Иванович Баранов со своим заместителем Яковом Ивановичем Алкснисом, Остапом Нежилом и литератором Николаем Бобровым, представлявшим столичную прессу, вышли за кусты к самой кромке поля, поближе к макетам.

Высокорослый, худощавый Баранов явно волновался, ведь сегодня, 1 сентября 1928 года, практически заканчивались смотрины выучки его крылатых питомцев. С самого начала длительных военных маневров лётчики с дальних аэродромов поспевали к решающим «боям» на стороне «красных» и «синих», отряды и эскадрильи успешно вели непрерывную разведку и «бомбардировку», слаженно взаимодействуя с наземными войсками. «Разбомбили» Киев, метко положив учебные фугасы на Дарницком полигоне, показали образцовое перестроение в воздухе, меткую стрельбу из передних и кормовых пулеметов, хороший противозенитный маневр. Не раз лихо разгоняли конницу штурмовыми ударами. И ни одной накладки, ни одного

⁹ Петр Иванович Баранов- участник Гражданской войны

¹⁰ Остап Никандрович Нежила – сотрудник промышленного отдела НКВД.

лётного происшествия до сегодняшнего дня. Эти учения, как последний мазок и завершают картину.

Накатывается гул – плывут тяжелые эскадрильи для бомбометания по «механизированной колонне». Уже можно различить отдельные машины, они устрашающе черны на фоне бледного неба. Головные самолеты подходят к лесу, где расположен КП, до выхода на цель они пролетят над ним, демонстрируя четкость строя.

– Фу, черт, у ведущего дымок за левым крылом, не случилось бы чего, – тревожно говорит Баранов.

Алкснис, присмотревшись, успокоил:

– Ничего страшного, скорее всего, неважно отрегулированы карбюраторы, богатая смесь... вернёмся к штабным, тут как-то неприятно стоять.

Черная стая бомбардировщиков на боевом курсе – впечатляющее зрелище. Только уверенность, что бомбы учебные и не упадут на тебя, сдерживает желание броситься в окоп, в ямку, спрятаться под могучим деревом, поглубже вжать голову в плечи.

– Да-с, вернёмся, – соглашается начальник ВВС. – Ветер может невыгодно повлиять на бомбометание.

Кажется, что усилился ветер на земле: пожухлые листья свертываются в маленькие смерчи, кланяются полю кроны деревьев. И ведь только сейчас заметили, что ветер был довольно сильным.

Петр Ионович Баранов крутит поднятой головой так, что даже плечи ходят. На косых голубых петлицах легкого форменного плаща восемь ярко-красных эмалевых ромбов ловят солнце, и оно играет в них, бликует. Богатырь Алкснис в расстегнутой шинели застыл с полусогнутыми в локтях руками. Сухонькому молодому литератору из Москвы не терпится, он раскачивается с носков на пятки и прямо под ухо Алкснису выкрикивает вопрос:

– Скажите, какие команды подаст сейчас главный бомбардировщик, тот, что впереди?

Кричать приходится потому, что первые звенья уже плывут над командным пунктом. Идут на средней высоте, но гул моторов давит, и еще какой-то скрип, чужеродный небу, сверлит уши.

– Скажите, какие команды подаст сейчас главный?..

– Да отстаньте вы, не время! – отмахивается широкой ладонью с растопыренными пальцами Алкснис.

Ведущий качнул крыльями. Передние самолеты высеяли из бомболюков свое «зерно». Бомбы прорынули гаревую завесу выхлопных газов под черными днищами и засвистели к земле. Дикий свист создали специально просверленные отверстия в стабилизаторах.

Первый удар по колонне «синих» удался: один из фанерных броневикив перекосялся и лег плашмя, как складная картинка. Неподалеку от него разлетелась в щепы телега. Макет танка развалился на куски. «Колонна» была накрыта с первого захода, поражена в самый центр.

А самолеты грохотали, как траки стальных гусениц над головой нырнувшего в окоп бойца. Басовитый, отчаянный крик ворвался в железный шум:

– Отставить! Отставить!

Это кричал, надрываясь, Алкснис. Он увидел, как с ведущего самолета одного из последних звеньев раньше времени сорвались капли бомб, определил на глаз, что они не долетят до цели. Значит, упадут на КП. Это не конфуз, это беда!

Разве могли услышать тревожный надрывный голос Алксниса летчики?

За ведущим открыли бомболюки и ведомые.

Командиры замерли в недоумении, вопросительно глядя на Алксниса. Однако не все. Двое нырнули в дверь домика, под крышу КП.

(слева-направо, сверху-вниз) 1. Михаил Николаевич Тухачевский 2. Александр Васильевич Косарев 3. Петр Ионович Баранов 4. Яков Иванович Алкснис

Петр Ионович Баранов с искаженным от гнева лицом потрясал над головой кулаками.

Один из командиров с тремя ромбами на красных петлицах хохотал и вопил от восторга, чуть не приплясывая:

– Сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна! Это тебе, Баранов, фитиль за долбежку моих позиций под Киевом. На войне одних побед не бывает!

К счастью, учебные бомбы не попали в командный пункт, хотя шесть из них взрыли землю неподалеку.

– Кто этот торопыга-мазила? – хмурясь, спросил Наркомвоенмор Баранова.

– Узнаю и доложу, Климент Ефремович.

Главный посредник – командир кавалерийского корпуса – громко сказал, обращаясь сразу ко всем:

– По таблице допусков бомбометание не снайперское, но успешное, оценка – «хорошо».

– Еще бы, чуть в макушку не попал – съязвил командир «синих», чья условная походная мехколонна кусками дерева засорила полигон.

– Лихо рубанули! – воскликнул командир-кавалерист. И, обращаясь к командиру «синих»: – А вам, милейший, не следовало так близко к полю располагать КП!

Но начальник ВВС случившееся воспринял с горечью, позже Петр Иванович Баранов запишет в дневник – тетрадку: «Плохо! Очень плохо! От стыда готов был! сквозь землю провалиться...»

Подождав, пока уехал Наркомвоенмор со свитой, он подошел к чекисту:

– Товарищ Нежил, вы разберетесь, кто из летчиков напортачил, пожалуйста, сообщите сразу же мне.

– Не требуется дознания.

– Объяснитесь.

– Петр Иванович, мы можем определить «торопыг – мазил» сейчас же, осмотрев место падения бомб, просто поинтересовавшись таблицей боевого расчета.

– Каким образом, товарищ Нежил? Ведь никто не подсчитывал, какое по порядку звено уронило бомбы.

– Пройдёмся, – и чекист двинулся к началу поля.

Шесть бомб ковырнули землю рядом, метров на пятьдесят-семьдесят одна от другой. Все они раскололись на кусочки или превратились в пыль, вокруг рытвин кругами серела цементная осыпь. Но вот попалась выбоина с красной осыпью и осколки валялись светло-коричневые, как от разбитого глиняного горшка.

– Вглядитесь, – указал на выбоину Нежил.

– Ну-с, и что?

Командующий ВВС ничего не понял, а куратор от госбезопасности на сей раз мог удовлетвориться мыслью, что не зря занимает должность. Он хитро улыбнулся.

– Нуте-с, нуте-с, слушаю вас, товарищ Нежил.

И пока они возвращались на КП, чекист рассказал Петру Ивановичу Баранову, что служит в одной из авиационных частей летчик Гроховский – рационализатор и изобретатель. Он, с целью экономии дорогостоящего и дефицитного цемента, придумал бомбу из обожженной глины, в которую засыпается цветная рыхлая масса. Официально она еще не принята для учебного бомбометания, но некоторые авиачасти используют ее, в том числе 36-я эскадрилья, она и бомбила сегодня полигон.

– У каждого звена в кассетах по две керамических

бомбы с цветной начинкой, и можно легко узнать, кто оказался «мазилой». У Гроховского есть и другие задумки полезные, и вообще куча разных идей в голове.

– Интересно, – задумчиво сказал Баранов, и хмурое, продолговатое лицо его просветлело. – Вы сказали, что у этого человека «куча идей в голове». Не обмолвились? «Куча» – ведь это плохо.

– Признаюсь, Петр Иванович, неловко выразился. Осведомлен другими, сам Гроховского не видел. Идей у него много, притом самых невероятных, но можно их выстроить в строгий ряд, отобрать полезные, – басил чекист.

– Вот это было бы хорошо. Надо поддержать. А? Как вы думаете?

– Безусловно, следует поддержать. Слышал, он бурно энергичен и чрезмерно открыт. На собраниях по улучшению боевой подготовки выдает такие предложения, о которых наш потенциальный противник знать не должен.

– Поэтому он и попал в ваше поле зрения? Нуте-с, извольте назвать мне его полное имя, – попросил Баранов, вынимая карандаш и записную книжку. – Извольте по слогам, чтобы я не ошибся.

– Гро-хов-ский Па-вел Иг-натъевич. Часть дислоцируется в Новочеркасске. Подробнее о нем пока доложить не могу, однако постараюсь все разузнать в ближайшее время.

- И этого достаточно... А теперь пройдемте на КП и поинтересуемся боевым расчетом, кто же из летчиков допустил такую досадную накладку.
- Она не испортила общего впечатления, Петр Иванович.
- Да-с, все хорошо. Пока, знаете-ли... пока – не испортила. И все же это происшествие записано в мой пассив; вам, Остап Никандрович, это известно не хуже.

Глава 3. Первые успехи

Лидия А. Гроховская вспоминает:

...Перед полетами на карте Павла я вычерчивала предстоящий маршрут красными, синими и черными карандашами, заправляла карту в планшет. Но однажды мы решили разрезать карту, наклеить куски ее на картон и собрать их в книгу: на первом листе начало маршрута, на втором и последующих – продолжение, чтобы не вытаскивать из планшета и не переворачивать карту в воздухе, а только переворачивать картонные страницы.

Такое нововведение одобрили все летчики. Оно им понравилось. Теперь из открытых кабин ветер не вырывал карты при их перекладке, и не нужно было отрывать руку от управления в самолетах с одним летчиком. Карты прочно крепились на колене.

Павел пошел дальше и придумал вращающийся валик для скрутки карт, но такое новшество не прижилось. Кабины, особенно одноместных машин, были очень тесны.

Тем же летом он начал усовершенствовать воздушную мишень. Длинный матерчатый конус, буксируемый за самолетом, плохо надувался. И не наполнившись воздухом, плескался тряпкой, выделявая причудливые кренделя. Павел решил вставить во входное отверстие конуса металлический обруч. Диаметр кольца поначалу оказался слишком большим, громоздким и неудобным в эксплуатации. Решил – обруч должен быть складным!

«Пустьяковое», как говорил Павел, решение, но оно дало возможность сделать воздушную мишень многоконусной, и теперь за одну буксировку тренировались в стрельбе несколько летчиков, притом на земле быстро узнавали о результатах стрельб, так как все три конуса один за другим сбрасывались.

Испытания прошли отлично, а чуть позже 44-я эскадрилья вышла на первое место в округе, стреляя по воздушным целям...

Наступила осень. Мы вернулись из лагерей в Новочеркасск, как говорится в армии – «на зимние квартиры». Сняли комнату на улице Красноармейской у одинокой старушки. За скромную обитель платили 16 рублей в месяц.

Опять занятия начинались по вечерам и далеко за полночь. В это время Павел нашёл решение, как заменить керамическую бомбу на дешёвую цементную, почти копию боевой, но, что самое удивительное, имитируя взрыв, она должна была оставаться целой, пригодной к последующему использованию. Чертили, составляли описание. Читали и разбирались в нужной технической литературе, а уж когда заходили в тупик – посылали письма с вопросами известным в стране изобретателям или ученым.

Не все отвечали, но с одним изобретателем, ленинградцем Владимиром Ивановичем Бекаури, подружились заочно.

На рассвете у Павла полеты, в это время, а я спала, сколько хотела и не понимала, как он выдерживает, длительное время, довольствуясь сном по четыре-пять часов в сутки, не больше.

Новая цементная облегченная бомба прошла испытания в части. Командование помогало Павлу, одобряло его технические усовершенствования авиационного учебного снаряда. Смекалка и изобретательность, инициатива и качественная работоспособность поощрялись как никогда. На одном из партийных собраний эскадрилья секретарь партбюро прямо сказал:

– Гроховский работает над серьезными вещами. Будем осуществлять его идеи, не сможем на месте – будем поддерживать, продвигать в центр...

Павел тогда разрабатывал «**воздушный полигон**», то есть целую систему на земле и в воздухе, максимально безопасную, но помогающую оттачивать боевое мастерство летчиков.

Говорю так, по-газетному, потому что почти дословно цитирую слова из статьи в окружной многотиражке.

Чувствуя громадную товарищескую поддержку, Павел вдохновлялся изобретательством все больше и больше. Вот он уже предлагает «пастообразный проявитель для работы с фото-пленкой в воздухе», продумывает идею «безопасного самолета».

Поздней осенью 1928 года, по вызову штаба ВВС, Павла командировуют в Москву с его изобретением «силикатная бомба».

Я остаюсь дома и получаю от него четкий план работ на две недели: изготовить начисто рабочие чертежи «воздушного полигона» и «планшета для летчика-наблюдателя»; набросать эскиз механизма для новой турельной¹¹ установки кормового пулемета; написать три небольших лозунга на красном полотне, нарисовать два художественных плаката для клуба.

Павел погрузил свои бомбы в вагон и отбыл из Новочеркасска.

Скучать без него мне было некогда. Я трудилась «в поте лица». Две недели промелькнули, и вот однажды, ранним утром, долгожданный стук в дверь. Муж радостный, с улыбкой до ушей. Командование ждет дальнейших изобретений. Дали премию 200 рублей,

...По вечерам я любила читать вслух или рассказывать прочитанное днем. Павлу это очень нравилось, у него для художественных книг времени почти не оставалось.

– Вот хорошо, – говорил он, – ты так живо все изобразила, и достаточно коротко. Осталось время полистать учебник по сопромату, а то я на этом курсе неустойчиво плыву.

У него не было высшего технического образования, он не мог делать точные расчеты своих изобретений, но зато тонко чувствовал реальные возможности своих идей, предугадывал действие нового объекта так верно, что иногда создавал на первый взгляд технически нелепое сооружение, а оно работало, и работало хорошо. Примеры немного погодя...

Из нашего скудного бюджета мы стали платить несколько рублей еще за каморку, из которой сделали фотолабораторию. Павел всю жизнь оставался заядлым фотографом, редко снимал с плеча фотоаппарат, даже в полеты его брал. Немало вечерних часов оставили в каморке, проявляя негативы, печатая фотографии и чертежи. Как и все, чем занимался Павел, фотографирование было доведено им до профессионального совершенства. Снимки сочные, контрастные окрашивались анилиновыми красками в разные, но скромные цвета, наклеивались на специальный картон. Составлялись альбомы аккуратно и методично. Подпись, дата.

Наступил 1929 год. Павла телеграммой вызвали в Москву. Понадобилась консультация автора по применению его изобретений. Готовимся тщательно и едем вместе.

Мы в столице. Катим на трамвае в Петровский парк, где живут знакомые.

Знакомые приветили нас, выделили комнату с мягкой тахтой и большим венецианским зеркалом.

Ближайшие два дня Павел ходил по делам изобретений. Не все было ладно. В прошлый раз он восторгался всеми, с кем встречался, теперь появились и «тормозки», так он назвал своих недругов. Они обходительны, вежливы, с ними трудно разговаривать прямо, ускользают куда-то, мешают издали. Павел внес некоторые поправки в объекты, и они все-таки пошли в эксплуатацию.

– У тебя появились враги? – спрашиваю я.

– Не думаю. Просто неискренние люди, может, потому, что я для них малознакомый человек, темная лошадка. Да и не понравились мне всего двое-трое из десятков, с которыми встречался. Верю: есть перспектива, и не плохая.

В воскресенье мы отправились в Третьяковку. Ничего подобного я не видела! Павел оттаял совсем. Закусили в столовке, чем бог послал. Взяли билеты в кинозал на Тверской и вечером посмотрели немой фильм «Мулен Руж» с участием актрисы Чеховой. Сеанс сопровождался оркестром из трех человек, играли очаровательно, без фальши...

¹¹ турельная установка – пулеметная установка, в конструкции которой предусмотрена кольцевая вращающаяся опора.

За пол месяца я многое увидела в столице, полюбила Москву. Вернувшись в Новочеркасск, Павел с энтузиазмом взялся за новые изобретения. У него уже выработались приемы и методы творчества. Когда появлялась новая идея, он с небольшим блокнотом и карандашом в руках садился в уголок, дымил папиросой и прорисовывал эскизы будущих конструкций. В такие минуты ему совершенно необходим был слушатель, которого он посвящал в свои задумки.

Бывало, идея осеяла Павла ночью и требовала немедленного обсуждения. Тогда приходилось просыпаться, уверять, что хорошо отдохнула. Зажигали ночник. Вели длинные разговоры почти до утра. Из тысячи произнесенных слов на мою долю доставалось немного.

Зимой у Павла возникла мысль готовить *«агитационную бомбу»*. Листовки, которые сбрасывались с самолета вручную, часто уносились ветром в ненужную сторону. Бывает – ветер рвал пачки еще в кабине, листы забивались в щели, попадали в управление самолетом.

– Агитационную бомбу делаем так: цементную болванку обложим мокрой бумагой, – учил меня Павел, – которая благодаря своей мокроте удержится в нужной форме. Затем куски кассовых лент, на которых кассиры отбивают чеки в магазинах, но только чистые и нетронутые, обмазываем клейстером, они обвивают цементную болванку, пока толщина слоя не достигнет пяти миллиметров. Закончим – бомба сушится. Высушенную корочку разрезаем вдоль на две части. На место стабилизатора поставим деревянную бобышку в виде пробки, похожей на печать с ручкой. На ручку мотаем метров триста тонкой магазинной тесьмы, закрепив, таким образом, верхний конец сомкнутых половинок бомбы. Нижние концы соединим форточкой петель. Получится что-то вроде каплевидного чемоданчика... Летчик сбрасывает с подвески бомбу. Один конец тесьмы прикреплен к самолету. При падении бомба стягивает с верхнего штыря тесьму и раскрывается, выбрасывая листовки на заданной высоте... Ладно, задумал?

Просто. Очень просто. Даже примитивно. Но, как показало время, бомбы «взрывались» безотказно там, где желал летчик, – на нужной высоте, в нужном месте. Варка клейстера, намазывание однотонных по цвету бесконечных полос бумаги стало моей святой обязанностью. Я сидела как проклятая за этой нудной работой. Пальцы липкие. Белый халат весь в темно-серых пятнах. Запах в комнате – не дай боже! Каким-то образом и на волосы, лицо попадал клей, кожу в этих местах сводило. Зато, когда вечером муж возвращался с полетов, порозовевший от мороза, сбрасывал меховой реглан, унты и, весело потирая руки, любовался роскошным зрелищем картонных болванок, выстроившихся на полу как новобранцы, душа моя радовалась.

– Ну как?

Всегда дома его ждал крепко заваренный чай и любимые ржаные сухарики.

К весне 1929 года Павел выдвинул еще несколько идей и был вызван в Комитет по изобретениям ВВС. Начальник комитета долго разговаривал с ним, был очень любезен. Потом Павла принял начальник ВВС Петр Иванович Баранов, вникал во все подробности предложений, обдумывал, насколько они могут быть полезными для вооружения Красной Армии. Обещал всемерную поддержку.

Окрыленный этим, Павел окончательно решил, что он на правильном пути и что именно изобретательство есть его жизненное призвание, которое никак не помешает ему летать.

За успешную работу в области изобретательства, по приказу начальника ВВС Павлу выдали поощрительную премию в сумме пятьсот рублей и красивую грамоту. У него уже было несколько грамот.

Глава 4. Начальник ВВС

– Я пригласил вас, Остап Никандрович, присутствовать на моей беседе с одним из командиров, – привстав из-за стола, пожимая руку Нежилу, проговорил Баранов. – Садитесь где вам удобнее. Видимо, понадобится ваше доброе вмешательство в решение некоторых вопросов, поэтому будет полезным, если вы войдете в курс дела сразу.

– Я уразумел, Петр Иванович, весь внимание, – склонил седую голову старый чекист.

– До встречи с командиром еще семь минут, а пока, если не возражаете, я покончу с одним делом, личного характера. Свежие газеты и журналы на подоконнике, можете посмотреть.

Нежил облюбовал место около шахматного столика у окна. Баранов – заядлый шахматист – любил иногда для «отдохновения» решать сложные задачи на клетчатой доске. Нежил рассматривал искусно вырезанные шахматные фигурки, явно не серийного производства. Взяв в руки ладью, почувствовал ее тяжесть: шахматы были выточены из камня, в черных и белых фигурах мерцало множество крошечных кристалликов.

По звонку Баранова в кабинет ступил высокий старик с буденновскими белыми усами на морщинистом мрачноватом лице, одетый в светло-коричневую блузу и такого же цвета просторные брюки, с небольшим чемоданом в руках. Кивком головы поздоровался, представился сотрудником финансовой части Наркомата обороны и попросил разрешения приступить к делу.

– Нуте-с, что у вас, почтенный?

Звенящий, почти мальчишеский тенорок, так не подходящий к величественному облику старика, прозвучал в скороговорке:

– Вы, товарищ начальник, несколько лет не получаете деньги за выслугу в армии и премии. Сумма достигла двух тысяч девятисот восьмидесяти трех рублей шестнадцати копеек. Мне приказано произвести расчет. Вот, соблаговолите, распишитесь в ведомости и получите дензнаки. Без вашей подписи в наркомат мне возвращаться не велено.

Из открытого фибрового чемоданчика будто выпорхнул сероватый лист бумаги и лег на стол перед Барановым. Затем, более почтительно, старик выложил пачки ассигнаций, запечатанных синими ленточками. Сверху положил латунные монеты и облегченно вздохнул:

– Все до копеечки.

– А откуда же появились шестнадцать копеек? – хитро прищурился Баранов.

– В результате отчисления государству подоходного налога, да-а, ежегодного, да-а.

– А почему с доставкой на дом? И несли без сопровождающего? Вы сильно рисковали, почтенный.

– Не могу знать! – ответил старик, видимо, на первый вопрос, не спуская настороженного цепкого взгляда с разноцветных пачек. – Охрану отпустил. Извольте пересчитать.

– Есть ли в этом нужда?

– Извольте, извольте пересчитать!

Баранов не торопясь взвесил каждую пачку в руке, перебрал копейки и склонился над ведомостью. Стремительно расписался.

Старик потянулся за ведомостью.

– Нет, подождите! – Вынув из стола лист чистой голубоватой бумаги, Баранов стал на ней что-то писать, изредка останавливаясь, чтобы обдумать ту или иную фразу.

Денежная поддержка была ему очень кстати. Остап Нежил знал, что большая семья Барановых ограничивает себя в расходах, а его жена часто брала займы у родственников до получки. Зарплата члена Реввоенсовета СССР и начальника ВВС Красной Армии, огра-

ниченная партмаксимумом, значительно уступала зарплате инженера, и на представительские расходы ее не хватало.

Закончив писать, Баранов слепил ведомость и лист скрепкой, протянул их старику:

Передайте по назначению. А чтобы с деньгами вам не возвращаться без охраны, я поручу дежурному мотоциклисту отвезти вас. Доедете без особых удобств, но быстро. До свидания.

Старик не спешил, пробегал расширенными зрачками строчки письма уже во второй раз и не мог оторваться. Морщины расплылись, на лице застыло недоумение. Он приоткрыл вялый рот, но слова из него вывалились не сразу.

- Понимаю так: вы, товарищ начальник, отдаете деньги для детдомовских ребят?
- Не ясно написал?
- Но такую сумму!
- Почему вас это удивляет?
- Вы хорошо подумали, милостивый государь? Может быть, половину, четверть?
- Свободны. Как я уже сказал, вас проводят.
- Но позвольте...
- Исполняйте!

Только закрылась дверь за обескураженным сотрудником финчасти наркомата, вошел командир, которого ждали. Статный, с гвардейской выправкой, по ромбу на голубых петлицах, лет тридцати – тридцати пяти, красив в темно-синей форме летчика. Он вытянулся перед Барановым и не торопился опускаться на стул даже после приглашения.

Садитесь, Молодцов, – повторил Баранов, очень пристально вглядываясь в его чистые серые глаза. – Догадываетесь, зачем я вас вызвал?

– Частично проинформирован, – ответил Молодцов, зарумянясь. – И письмо летчика Чкалова к вам читал. Советовался с командирами рангом выше меня, и, безусловно, умнее.

– Нуте-с, ваши выводы и решение?

Молодцов попытался привстать, Баранов остановил его нетерпеливым жестом.

– Товарищ начальник ВВС, своим выдвижением по службе я обязан вам, и прекрасно понимаю, что не за какие-то особые таланты, а за четкое выполнение своего командирского и профессионального долга. Летчик Чкалов ухарь, воздушный хулиган, предупреждаемый о серьезной ответственности не один раз. Не внимал. А вы, еще в 1924 году, в статье «Наши задачи» писали, что корень многих катастроф в недисциплинированности, в нарушениях элементарного порядка, в расхлябанности. Нарушение правил полетов – это преступление, вы не раз говорили, и за нарушением сразу же должно следовать наказание, и, если наказание будет носить вразумительный и назидательный характер, оно благотворно скажется на воспитании всего личного состава. Я правильно говорю?

– В назидание, вы и отдали Чкалова под суд, упекли в тюрьму?

– Я не уполномочен карать и миловать, это сделали представители закона.

– По вашему представлению.

– Да, товарищ начальник ВВС, я всегда четко выполняю уставы, наставления, приказы и положения, исходящие от вышестоящих органов, и неукоснительно требую этого от других.

– Похвально... и, конечно, думаете при этом?

– Обязательно, если происшествие выходит за рамки уставом и приказов. В данном случае считаю себя правым. Даже Маяковский, чей талант вы почитаете, дает нам как бы установку на бдительность, подсказывает: «...сейчас летуны разбиваются насмерть, в Ходынку вплющившись лбом», Чаше всего это происходит от разгильдяйства, от раздутого самомнения так называемых «королей». Я правильно говорю?

– Как вы сами летаете, Молодцов?

– Удовлетворительно.

– В вашей летной книжке только хорошие и отличные оценки. Ни одной посредственной не видел.

– Считаю их завышенными, товарищ начальник ВВС, стараюсь совершенствоваться способами, дозволенными инструкциями по производству полетов. О любом нарушении, допущенном мною непроизвольно, даже если ошибку никто не заметил, я докладываю вышестоящему.

– Гм... Скромность украшает... В середине двадцатых годов в авиационных частях действовал приказ, запрещающий летчикам при стрельбе или бомбометании снижаться до двухсот и менее метров. Бреющий полет расценивался чуть ли не как игра со смертью. Летчики мазали по целям, пускали пули «в молоко», но не снижались. И не потому, что не могли, не хотели, они – боялись наказания. А сейчас! Что происходит сейчас, нуте-с?

– Теперь это узаконено наставлением по боевой службе!

– Кто же первый начал? Не найти ли его... и посадить?

– Вы смеетесь надо мной.

– Конечно, сейчас можно брить головы конникам или сбивать с них чепчики, оказалось, это приносит большую военную пользу. А кто доказал? Кто?... Бесстрашные и пытливые люди!

Лётчики-испытатели – Александр Анисимов, Михаил Каминский, Леонид Минов (сверху-вниз, слева направо)

Цитируя Маяковского, вы упустили предыдущие строки, а они звучат так: «...чтоб в будущий яркий радостный час вы носились в небе любом», – понятно? – «в любом», а потом уже: «сейчас летуны разбиваются насмерть, в Ходынку в плющившись лбом». Кстати, – Баранов повернулся к Нежилу, и на худощавом лице его заиграла улыбка, – никогда не забуду выступления Владимира Владимировича в Большом театре на праздновании двухлетия ОДВФ¹². Одухотворенный человек, горластый. Тогда, после моего заключительного слова, он поднялся во весь рост, красивый, сильный, и прогремел агитпоэму «Летающий пролетарий», потом отрывки из «Призыва»:

*Крылатых
дней*

¹² Общества Друзей Воздушного Флота

далека дата.
Нескоро
в радости
крикнем:
– Вот они!
Но я —
грядущих дней агитатор —
к ним хоть на шаг
подвожусь сегодня...

Вот поэма! Написана по нашему заданию, а ведь как страстно, душевно, по-настоящему звучит!

Молодцов знал, чем сбить Баранова с курса неприятной беседы. Начальник ВВС уважал литераторов (Фрунзе и он выдвинули идею создания ЛОКАФ – объединения писателей, связанных с армией и флотом) и особенно восторженно относился к произведениям на авиационную тему, почти все стихи об авиаторах знал наизусть, при случае читал их вслух, комментируя. На этот раз уловка Молодцова сработала частично.

– Мы отвлеклись, – продолжал Баранов. – Согласен, Молодцов, авиация не арена для трюков. И я пригласил вас не ругать, а поразмышлять вместе. Разве Чкалов трюкач? Вы читали его объяснения, и прошу, поверьте летчику. Посмотрите на него как на впередиидущего. Легче отмахнуться от беспокойных людей, чем дать им совет, где нужно – поддержать, когда нужно – предупредить, поправить. Мы были в свое время, мягко говоря, немного глуховаты, и, чтобы доказать свою правоту, Чкалов выбрал явно негодный способ, за что уже наказан предостаточно... А летчик стоящий! Он под стать нашему испытателю в НИИ Александру Анисимову. А, товарищ Нежил?

– Анисимова кличут «летчиком милостью божьей», – басом поддакнул чекист. – Он начинает летать – все на аэродроме бросают работу и пялятся в небо. Я тоже грешен в этом. Исключительно мастеровой мужик Александр Фролович. Вы, Молодцов, как известно мне, и Анисимова прижимаете? – выговорил Баранов.

– Он и ему подобные летают так, что аппараты трещат, а я учу беречь машины, как любимую жену, – слегка возмутился Молодцов и даже привстал со стула.

– Как любимую жену? – заинтересованно спросил Баранов, сдерживая улыбку, только в глазах заблестели лукавые искры. – Слышали, товарищ Нежил? Образно! Только кому нужна жена-недотрога? Мне, к примеру, куколка, до которой и коснуться боязно, не нужна... Вот так, командир! Думаю, вы разберетесь в ситуации и поймете, что к чему. Только бесстрашные, увлеченные делом, умные создадут сильную авиацию, совершат изумительные полеты, построят чудесные аппараты... Есть другие мысли, Молодцов? Другие соображения? Спорьте! Ну-с?... Нет?

– Все ясно, товарищ начальник ВВС! – Молодцов уже стоял вытянувшись, но глаза выдавали затаенное упрямство. – Чкалову позволим летать, но, пока, только в ОДВФ. – И поспешно: – Если не будет других указаний, уточнений.

– Проверка временем? Не насилую вас, только думайте, Молодцов, как можно больше, больше... Кстати, почему вы не даете согласия на перевод из Новочеркасска в Москву летчика Гроховского? Вот тут уж для меня совсем туман!

– Вы не приказывали, а предложили рассмотреть этот вопрос. В принципе серьезных возражений нет, но, по-моему, в боевой части от него будет больше проку и как от летчика, и как от изобретателя. Благодаря его усовершенствованиям по стрельбе и бомбометанию эскадрилья вышла на первое место, и ее опыт мы распространяем на все подразделения. Подготовлены

рекомендации, скоро они будут распечатаны в нашей типографии и разосланы по частям. Но... относительно самого летчика...

– Договаривайте.

– Некоторые ведущие специалисты НИИ, даже ЦАГИ, работники отдела кадров утверждают, что работа Гроховского в научном учреждении будет бесперспективна, так как он не имеет не только высшего технического образования, но и среднего.

– И вы, мой помощник, согласны с ними? Вы считаете, что образование, пусть самое высшее, способно в человеке высечь искру божью, которую называют талантом?

– Да.

– Теперь я вас понял... Переводите Гроховского, и немедленно! О выполнении приказа доложите лично мне.

– Есть!

– Больше вас не задерживаю.

Когда Молодцов, шелкнув каблуками, вышел из кабинета, Баранов со вздохом сказал:

– Вот такие дела, товарищ Нежил... Чтобы положительно и поскорее решить вопрос с Чкаловым, прошу вас, посодействуйте. Вы в более тесном контакте с органами юстиции, чем я. Это не официальная просьба к куратору, а товарищеская просьба.

– Постараюсь, Петр Иванович. После короткой командировки...

– В курсе, в курсе... Поэтому и другая просьба есть. Вы едете в края донские по своим делам, но уважьте, по прибытии в Новочеркасск загляните в часть, где служит Гроховский, проявите заботу о его перемещении сюда. Мой помощник выполнит приказ, но торопиться не будет, подстраховываясь мнением моего заместителя. А оно, знаю, не в пользу таких людей, как Гроховский.

– Молодцов правду молвил, высшая инженерия считает многие его идеи утопическими, некоторые – если и выполнимыми, то только через десятки лет.

– Поживем – увидим. Покажет время, хотя его у нас в запасе ох как мало. Я верю даровитым. Они нам сейчас нужны в бо-ольшом количестве.

На западе поднимал голову фашизм. Потенциальная угроза нового нападения на Советскую страну возрастала. Петр Иванович Баранов торопился усилить авиацию истребительную, бомбардировочную новыми самолетами, первоклассными летчиками и наземными авиаспециалистами, но перед ведомством ВВС была поставлена еще одна задача, совсем новая, – немедленное создание воздушно-десантных войск Красной Армии.

Тухачевский, Блюхер и другие военачальники, советские военные теоретики основали новую доктрину ведения войны, опираясь на переработку опыта рейдов конницы по тылам врага. Учитывая всевозрастающую индустриализацию страны, лошадь, условно, была заменена танком, но стратегия маневра и глубокого ошеломляющего удара по тыловым коммуникациям противника осталась. Ударить, сокрушить, освободить территорию – мало, занятые пространства еще надо и закрепить за собой. Для этого нужна пехота. Как доставить ее в тылы противника, да не с пистолетом и винтовкой, а вооруженную тяжелыми орудиями боя? На крыльях! Потому поручили ВВС создать такие крылья, приспособления для подвесок к ним грузов, массовые парашюты для бойцов-десантников и военного имущества.

Все это легло на плечи Петра Ивановича Баранова и его соратников.

Создавать новые войска пришлось фактически на пустом месте. Нужны были люди – умные, инициативные, смелые и обязательно увлеченные. Их искали по всей стране. Так в поле зрения командования ВВС попал и Павел Игнатьевич Гроховский.

К авиационной части (ее возглавлял орденосец Григорий Максимович Зимм) Нежил подъезжал, когда Азовское море стало уже темнее суши, солнце подсвечивало облака снизу багряным умирающим пламенем.

Пока ехал в поезде, а потом на тряской автомашине, не выходила из головы авария в воздухе, при которой летчик-испытатель НИИ ВВС Бухголец еле успел выпрыгнуть из развалившегося самолета. Можно сказать, ему неслыханно повезло, так как опыта оставления самолета на парашюте у него не было, как не было практики парашютных прыжков и у всех пилотов республики. Причин к этому оказалось несколько; недостаток парашютов и боязнь пользоваться ими лишь две из них. Недоверие к «зонтикам» подогревалось искусственно некоторыми специалистами, занимавшими довольно солидные посты в армии. В 1921 году им удалось добиться запрещения прыжков с парашютами, а поводом послужила катастрофа, смерть воздухоплателя Молчанова, прыгнувшего на старом парашюте «Жюкмес» с привязного аэростата.

Запрет, подтвержденный приказом Главного управления Воздушного Флота Красной Армии, действовал шесть лет. Военные летчики и даже испытатели летали без парашютов, что при почти любом отказе техники или при столкновении самолетов в воздухе приводило к катастрофическим ситуациям. Неоправданный запрет сняли в 1927 году, когда летчик-испытатель Михаил Громов был вынужден покинуть истребитель И-1, не желающий выходить из штопора. Но ведь взять в полет парашют Громова уговорили товарищи!

Об аварии Бухгольца Остап Нежил узнал по телефону, она расследовалась – выясняли, по какой причине самолет разрушился, – и Нежил по вызову спешил в Москву, чтобы принять участие в следствии по своей линии, однако просьбу Баранова заехать в Новочеркасск не забыл и нашел для этого время.

Командир полка Зимм, грузноватый мужчина с крупными рабочими руками, широким добродушным лицом и быстрыми глазами, прочитав удостоверение Нежила, встал. из-за стола, привычно оправил на себе серую коверкотовую гимнастерку.

– Слушаю вас... э... Остап Никандрович, – произнес сипло, возвращая документ. – Присаживайтесь.

Нежил коротко сообщил о цели своего приезда. Зимм быстро понял, что от него требуется, и, вызвав адъютанта, приказал организовать чай и принести «личное дело» командира звена Гроховского.

– И свечку захвати! – Пояснил Нежилу: – Темнеет, а у нас электричество от движка. А он часто барахлит, окаянный.

Они сели на стулья друг против друга.

– То, что Гроховский мужик башковитый, – правильно. Идей у него, как выразился один механик, «что блох в бороде у старого козла». Но ведь не сахар мужик, – говорил Зимм быстро, с картавинкой, – честолобив. В смысле дисциплинки не всегда на высоте. Вот недавно опять крутоверть устроил низковато, чуть с землей не поцеловался. Карточку поощрений и взысканий я ему помарал трижды.

Вошел адъютант. Под мышкой сжимал серую тонкую папку, в согнутых руках нес на блюдечках фаянсовые чашки, над ними клубился парок. Нежил поторопился встать и принял у него чашки.

– Спасибо, дружок!

– Чай сладкий, – предупредил адъютант, отдал командиру папку, вынув из кармана и положив на стол тонкую стеариновую свечу, поспешно скрылся за дверью.

Зимм полистал бумаги в папке, протянул ее Нежилу:

– По биографии Гроховский – революционно заслуженный мужик, по делу – толковый.

Здесь Нежил невольно вспомнил одно из закрытых дел, заведенных в 1919 году по доносу, где утверждалось, что Дыбенко и многие его командиры были дружны с батькой Махно и атаманом Григорьевым, когда последние входили в состав Первой Заднепровской Украинской Советской дивизии, состоящей из повстанческих и партизанских соединений. Нежил отмел это блеснувшее искрой воспоминание и не мог, конечно, предположить, что

«дело» закрытое «откроется» снова в 1937 году и будет смаковаться как улика против «врагов народа».

В общем, чекист был знаком с биографией и послужным списком Гроховского, но сам «личного дела» не видел, поэтому его заинтересовали некоторые детали.

С гайдамаками и немецкими оккупантами Гроховский воевал, видно, хорошо, если от самого Дыбенко получил в награду маузер. Да и Дыбенко оставил о нем лестные строки... С Колчаком, плавая на судах Волжской флотилии, Гроховский дрался знатно. Командир Кожанов рекомендовал Гроховского принять в партию большевиков, а командующий флотилией Раскольников в приказе отметил его, наградив «красным бантом». За что же? С десантом на судне «Кофман» Гроховский отправился на Кавказ. В Каспийском море корабли попали в свирепый шторм. В десанте участвовало три судна: «Каспий» затонул, «Пролетарий» возвратился в Астрахань, а «Кофман» выполнил задание, несмотря на залитые водой трюмы и покореженные надстройки. Гроховский на «Кофмане» исполнял обязанности комиссара... Может быть, этот эпизод послужил основанием и после гражданской войны его пригласили на должность комиссара в Морской наркомат? Поработав там недолго, Гроховский учился, закончил Качинскую школу военных летчиков и в двадцать четыре года, получив звание К-4, стал морским летчиком-истребителем... При прохождении службы в Евпаторийском отряде ему записали в аттестацию нелестные строки: «излишне самоуверен», «на критику реагирует болезненно», «в служебное время занимался постройкой личного летательного аппарата... собирался на своей авиетке лететь в Москву, но были приняты меры»...

– Говорите, ваш подчиненный «не сахар», – захлопнув папку, обратился Нежил к Зимму, – а я только что прочитал ваше, уважаемый Григорий Максимович, представление Гроховского на вышестоящую должность.

– Знаете ли, как глядеть... – замылся командир полка. – Вот однажды он с серьезным заданием вылетел в сплошной туман, шел ощупью вдоль железной дороги ниже столбов и добрался до места назначения... Ненужная лихость?

– Такой же полет летчика Чкалова окончился аварией, и его судили, – напомнил Нежил. – Стемнело, а ваш движок что-то не стучит, может, запалим свечу?

– Это мигом... – Зимм чиркнул спичкой и пересадил огонек на фитиль свечи, воткнув ее в пустую чернильницу. На стенах заколыхались тени. – Вы сказали об аварии. Простите, Чкалова не знаю, но с любым может случиться всякое. Так я еще не уяснил себе: порицать такие полеты или считать их доблестью. Человек справился с почти неизвестным, показал способность мастера, не жалея себя, свой авторитет.

– Он нарушил...

– Да, да, дюжину пунктов разных наставлений нарушил, но мой-то приказ выполнил! Карать и тут же награждать? Я предпочел...

– Повысить его в должности. И не только... тут еще есть и представление к очередному званию.

– А почему бы и нет? У Гроховского нутряное мастерство, да и голова умнейшая. Соответствует по всем статьям...

Нежил, заядлый курильщик, предпочитавший папиросам «махру», скрутил сигарку и прикурил ее от свечи.

– Кстати, в телеграмме мы просили вас не обсуждать идеи Гроховского принародно, как вы планировали, на партийном собрании. Может быть, мы переусердствовали? Что вы собирались обсуждать?

– Его предложения относительно строительства аэродромов, их маскировки, о дальних и безопасных полетах, о самолете-таране.

– Есть что-нибудь на бумаге, в чертежах?

– Показывал мне расчеты, эскизы. Интересно, хотя я в этих делах чувствую себя профаном.

– Где расчеты и чертежи?

– Вернул ему.

– Такие бумаги надо хранить в сейфе, товарищ Зимм!.. Что скажете о жене Гроховского?

– Прелестна и умна Лидия Алексеевна. Эта женщина еще и смела. Они с мужем закопёрщики в самодеятельности, танцуют, поют, играют в спектаклях.

Лётчики-испытатели – Валерий Чкалов, Василий Степанченко, Михаил Водопьянов, Сигизмунд Леваневский. (сверху-вниз, слева-направо)

– Но это уже эмоции...

– Полезные эмоции, товарищ Нежил, без них тут от скуки завянешь. Так вы насовсем берете Гроховского?

– Если приживется, – улыбнулся чекист. Он вынул из кармана бумагу и протянул ее Зимму: – Вот приказ заместителя начальника ВВС о переводе Гроховского в Москву, в НИИ ВВС на должность летчика-испытателя.

- Сам-то он желает?
- Я передал не просьбу, а приказ.

Приблизив бумагу к свече, шевеля губами, Зимм внимательно прочитал заверенную печатью выписку из приказа, вздохнув тяжело, спросил:

- Гроховского вызвать?

– У меня нет времени на беседу с ним... На сборы не более трех дней. По прибытии в столицу пусть едет по адресу, запишите... Колобовский переулок, дом номер двадцать три, там его семье приготовлена на первый случай комната... Извините, тороплюсь. Чай у вас хорош, спасибо! – бросив папку на стол, чекист встал. На выбеленных стенах заколыхались тени.

Провожая Нежила, Зимм заверил:

- Не беспокойтесь, все будет как надо и быстро.

Глава 5. Добровольный прыжок

Лидия А. Гроховская вспоминает:

...При переезде в столицу мы потеряли Рона. На одной из станций Павел выскочил за кипятком и взял собаку «на выгул» без поводка. Чистоплотный Рон побежал от платформы в кусты. И к отходу поезда не вернулся. Павел висел на подножке, в надежде увидеть собаку... Дальше ехали горюя.

В Москве нам была предоставлена небольшая комната, в полуподвале. Два окна на улицу позволяли прохожим видеть все, что стояло на подоконниках, так как полы были чуть ниже уровня тротуара. Некоторые люди останавливались, пытаясь уразуметь, что за сосульки видны через стекло. Наверное, думали, что видят логово хозяина посудной лавки. А это сушились модели агитбомб, стояли другие наши поделки.

В комнате никелированная полутораспальная кровать с блестящими шишечками, обеденный стол, покрытый красной с белыми горошинами клеенкой, четыре простеньких стула и черная полированная этажерка с тремя полками, заставленная фотопринадлежностями, – все это стоило двести рублей, и было взято в кредит. пышный светло-зеленый абажур из шелка и очень яркая лампочка создавали чудесный свет вечером. На окна я повесила репсовые темно-зеленые шторы. В общем, все как у людей со средним достатком и, может, только чуточку провинциально.

Павел работал в Научно-исследовательском институте ВВС легчиком-испытателем и одновременно занимался изобретениями. Больше время – изобретениями. «Носилки для перевозки раненых в самолете», матерчатая дистанционная агитбомба, «зажигательный авиационный прибор», «химическая авиабомба» для тушения пожаров, «громкоговорящая установка на самолете» – вот что было у него в разработке.

В свободное время Павел знакомил меня с Москвой. Столица поражала меня величиной и угнетала масштабами. Я привыкла к Евпатории, где все уютно, все близко, а здесь, чтобы попасть в Центральный парк культуры и отдыха, нужно было ехать бесконечными улицами, застроенными старыми деревянными домами, церквушками и причудливыми особняками. Но Красная площадь, Кремль, храм Василия Блаженного... – глаз не оторвешь! Смотрела бы и смотрела! Хотелось попасть внутрь Кремля, храма, но туда не пускали.

Мы ждали ребенка. Я чувствовала себя неважно, все чаще подташнивало, лизала куски штукатурки, и вскоре меня все перестало радовать. Павел, как мог, отвлекал меня, заставлял пить какие-то лекарства, нагружал легкой работой, хотя моя помощь ему нужна была все реже и реже.

Первым помощником Павла стал инженер из НИИ Владимир Иосифович Малынич¹³ – худощавый симпатичный молодец среднего роста, очень вежливый. Он часто заходил к нам после работы, мы все вместе пили чай, потом они с Павлом корпели допоздна над чертежами.

К концу 1929 года были сконструированы, построены и испытаны подкрыльный бензобак, планшет для летного состава, подвесная кабина для перевозки раненых. Понимала из разговоров, что они готовят и что-то более серьезное.

Однажды Малынич пришел к нам в неурочное время крайне озабоченным, растерянным и, забыв поздороваться, выложил из портфеля тщательно отработанные чертежи и описание изобретения, подготовленные к сдаче в патентное бюро. Нервно, раскрыл папку. Все бумаги были испорчены, во многих местах пропитаны маслом, там же лежали масляные тряпки. Испорченную грязную ветошь завязали в папку! Посмотрев на это безобразие, Павел недобро усмехнулся и грохнул по столу кулаком:

¹³ Малынич Владимир Иосифович – ведущий конструктор Экспериментального института по вооружениям РККА

– Дуралеи! От зависти, что ли?.. Засучивай рукава, Владимир Иосифович, опять пахать будем.

Если Малынич кручинился, что опыта технического конструирования у него маловато, то у Павла его совсем не было. Но он поражал умением выдумывать такие необыкновенные конструкции, что высокограмотным специалистам это с первого взгляда представлялось бредом. Но только на первый взгляд. Сделав соответствующие расчеты, «прощупав» изобретение со всех сторон, они приходили к выводу: «Стоящая вещь!» И это кому-то не нравилось, но вредили пока втихомолку, таясь.

Павлу становилось тесно в отведенной ему руководством НИИ комнатенке, не хватало исполнителей: художников, чертежников, модельщиков. За помощью он обратился в Московский комитет ВЛКСМ к секретарю Александру Косареву. Встретившись с ним, Павел напомнил комсомольскому вожаку о его речи на VIII съезде комсомола в 1928 году, где Косарев говорил о том, «что должен делать Союз молодежи на этапе социально-экономической и культурной перепашки страны», и в связи с этим поднимал вопрос о квалифицированных, преданных делу пролетариата молодых кадрах. По-моему, Гроховский и Косарев понравились друг другу с первого свидания. «С этим парнем можно гору свернуть!» – сказал тогда Павел, восхищаясь работоспособностью Косарева. Впоследствии сотрудничество их было очень плодотворным и перешло в дружбу.

Особенно Павел восхищаясь организационными и бойцовскими качествами Косарева, приводил такой пример. Как-то, будучи генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, Саша Косарев на заседании комсомольского ЦК говорил о вовлечении молодежи в науку, о ее участии в создании новой техники. Ему возразил присутствующий Бухарин, крупная фигура в партии большевиков:

– Торопитесь, молодой человек. Прежде чем лезть в науку, комсомольцам надо научиться чистить зубы.

Косареву не понравился барский выпад против товарищей, и он осадил Бухарина:

– Нам нужны свои деятели науки, которые смогли бы повести молодежь к вершинам коммунистического общества. Если мы воспитаем такую молодежь, то она будет способна научить и вас, Бухарин, чистить зубы...

Косарев помог Павлу. Шумливая комсомолия вычистила один из подвальчиков в НИИ, устроив там просторную мастерскую. Нашлись и чертежники, и мастера по моделям. Раздобыли инструменты, два стареньких станка, столы и табуреты. А главное, как радовался Павел, стало весело работать... А чтобы было еще веселее – он купил патефон...!

Малынич очень рано приехал к Гроховским, даже постоял у двери, не решаясь утопить кнопку звонка. Взглянул на часы: без трех минут пять!

– «Поругают, но что делать...»

Когда его пустили, понял, что хозяева бодрствуют давно. В комнате царил такой беспорядок, за который даже корифеи техники беспощадно ругают их жены. Лидия Алексеевна Гроховская, в цветастом халатике, сидела вместе с мужем на полу и на цементную болванку наклеивала длинные кассовые ленты. Вокруг них валялись обрывки бумаги, тесьма, деревянный молоток, короткий металлический стержень и другие малопонятные для Малынича вещи.

– Веревка! По-научному – дистанционное управление. Примитив, конечно, но время экономит. Я на двери соорудил простенькую штуку и теперь впускаю гостей не сходя с места. Дерг за конец шпагата, и ты тут... Проходи!

Присмотревшись, чем Гроховские занимаются, Малынич посетовал:

– По-моему, вы губите время на то, что уже давно сделали?

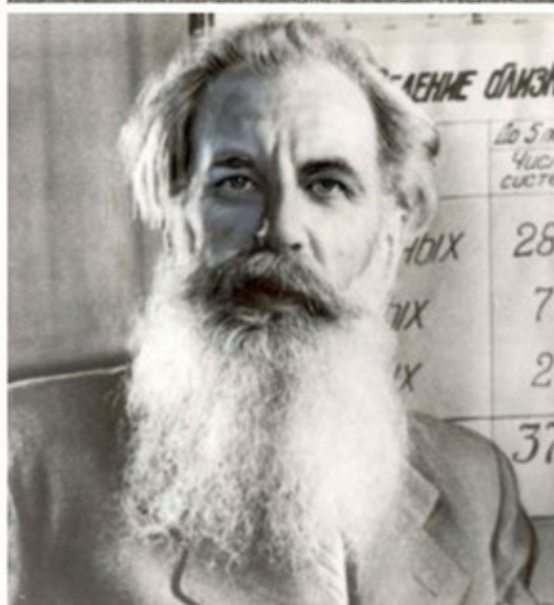
– Повторение – мать учения, – проворчал Гроховский и, будто оправдываясь: – Понимаешь, работаю агитационные бомбы новой конструкции. Совершенно иной принцип действия, чем у первых. Для больших праздников... Летят самолеты, и летчики сбрасывают их на пара-

шютиках. Взрыв, море бенгальского огня, и из него высыпаются листовки... или цветы! Красиво?! А? Работа, как видишь, сугубо домашняя.

– Да, но...

– И «но» предусмотрел. Именно в нем собака зарыта: при военных действиях моя бомба легко превращается в осветительную, меняем только начинку.

– Павел! – укоризненно остановила поток слов Лидия Алексеевна. – Ну, нельзя же так... – И обращаясь к Малыничу: – Вы уж извините, Владимир Иосифович, за беспорядок. Ночью ему пришла в голову мысль, он поднял меня в три часа и засадил за эту нудную работу. Вы очень кстати, вместе позавтракаем. Я мигом... – И, тяжело поднявшись с пола, она скрылась за занавеской. Запахло керосином, послышался стук поршенька, и звук раскошегаренного примуса.

1. Лидия Гроховская 2. Авиаконструктор П. А. Ивенсен 3. Отто Юльевич Шмидт

Пока Лидия Алексеевна возилась на кухоньке, Гроховский продемонстрировал Малыничу новые изобретения – ботинки с пружинами на подошвах.

– Для будущего десантника! – с этими словами он обулся в них, залез на стул и прыгнул. Ботинки подбросили его вверх и вбок, но Гроховский удержался на ногах, в последний момент «уцепившись за стену».

– Думаю сделать еще пневматическую, надувную подошву, – сказал он, снимая ботинки. – Вычитал о них в старом журнале, думаю, будут полезны¹⁴

Впоследствии парашютист Николай Остряков¹⁵ довольно удачно испытал оба вида ботинок для десантника, прыгая в них с самолета на парашюте. Но в дело они не пошли, так как выпуск их в большом количестве требовал дополнительно немалых средств, и было решено, что «овчинка выделки не стоит».

Во время завтрака, найдя подходящий повод, Малынич спросил:

– О парашюте думали? Я ведь почему рано, вчера вечером увидел меня помощник начальника ВВС Молодцов и укорил, что по главному заданию у нас нуль. Чешетесь, говорит. Пообещал сделать соответствующие выводы. Назвал нашу группу «шарашкой». Я разволновался.

– Да... Молодцов способен на скорые выводы, слава богу, что бодливой корове он рогов не дал... Ничего толкового в голову не приходит, Владимир Иосифович. Простудировали с Лидой всю историю парашютизма, разобрались детально в парашютах Котельникова, Жюк-меса, Ирвина. Сложные они. И неуправляемые почти, а нам нужно, чтобы десантник не просто спускался на нём, а летел туда, куда ему нужно, падал не наобум, а точно в назначенное место. Думаю, что парашют может не только опускать человека на землю, но и поднимать его в небеса.

Глеб Котельников – изобретатель парашюта.

– Такое нам пока не требуется, Павел Игнатьевич.

– Кто знает, может, завтра понадобится. Кто знает, дружище, каким будет наш завтрашний день.

– Владимир Иосифович, он завтра хочет совершить парашютный прыжок. Ведь в первый раз. Страшно! Не очень опасно, как вы думаете? – обращенное к Малыничу лицо Лидии Алексеевны застыло в тревожном ожидании. – Может, посоветуете ему... Ведь есть молодые здоровые парни, и они с удовольствием...

– Прочь советы! – отрезал Гроховский. – Конструктор должен знать, что он делает и для чего. Испытать на себе. Прыгаю! И не завтра, а сегодня... И на сей раз не поддержит тебя,

¹⁴ Советский изобретатель Г. Назаров ещё в 1928 г. Получил патент на пневматическую подошву.

¹⁵ Остряков Николай Алексеевич – летчик, заслуженный мастер парашютного спорта. Впоследствии участник гражданском войны в Испании, командующий ВВС Черноморья, герой обороны Севастополя в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг.

Лидуся, добрый, отзывчивый ВладимирИосифович. Ты думаешь, он зря так рано прикатил? Едем!..

До Ходынского аэродрома они добрались на трамвае. Почти весь путь проделали молча.

Павел Гроховский никогда не прыгал и мало знал о парашютных прыжках, как, впрочем, почти никакого опыта не было и у других летчиков страны. Можно сосчитать по пальцам кто к этому времени пользовался парашютом: в 1919 году выбросился с самолета пилот Эдельштейн, в 1927 – Громов, недавно – Бухгольц. Вынужденные прыжки, для спасения. Где-то в Америке первые учебные парашютные прыжки совершил командированный туда летчик Минов. Он вернулся в СССР, но опыт свой передать пока не успел никому. Так что Гроховский начинал «в чистом небе». Поэтому, из-за отсутствия опыта, день для прыжка выбрали явно неудачный: ветер у земли дул со скоростью десять – двенадцать метров в секунду, порывами до четырнадцати метров, а на высоте, надо думать, еще сильнее.

– Давайте повторим наш уговор, – попросил Гроховский летчика Иванова¹⁶. – Я из кабины вылезая на крыло, держусь за стойку и, как только вы протянете руку в сторону, я по этому знаку отрываюсь от стойки. Так?

– На высоте тысяча двести метров, уточнил Иванов, – когда я сброшу обороты мотора и перейду на планирование.

– Подходите к аэродрому, я покидаю самолет на ближней границе поля.

– И вас сносит в центр.

– Будем надеяться! – Гроховский огляделся по сторонам. – Ого, нами интересуются. Приятно!

Любопытных вокруг их самолета «Фоккер С-4» собралось немало. Жаждали необычного зрелища. Одни смотрели на Гроховского удивленно, другие сочувственно, некоторые испуганно разглядывали его: «Диковина! Хочет прыгать по доброй воле!»

Щелкали фотоаппараты, корреспонденты газет что-то записывали в блокноты. Чуть позже в прессе 1929 года этот прыжок будет оценен как «первый в СССР добровольный парашютный прыжок». А в 1935 году его детально опишет в книге «Земля внизу» Н. Бобров.

Павлу Гроховскому внимание товарищей и журналистов нравилось, оно его взбадривало. Он любил быть первым. В день первого прыжка он неторопливо подгонял снаряжение, подтягивал по фигуре лямки подвесной системы парашюта «Ирвин». Опробовали «Фоккер». Мотор тарахтел чисто. Гроховский под струей работающего винта «проиграл» прыжок – залез в кабину, оттуда на крыло, спрыгнул на землю.

Некоторую нервозность внесла погода. Низкая облачность рассасывалась до полудня. Гроховский, поругивая работников метеостанции, несколько раз рассупонивался и снова влезал в парашютные лямки.

Но июльский ветер разогнал облака, обнажил синее блескучее небо, только высоко летали редкие белые перышки. По ним можно было заметить, что ветер на высоте был сильным, но никто на это внимания не обратил.

«Фоккер С-4» оттолкнул землю. Чуть накренившись, пологой спиралью, будто двигаясь бочком, долго набирал высоту. Долго – так показалось тем, кто снизу задрал голову наблюдал за самолетом через зрительные трубы и бинокли.

На аэродром приехал начальник Научно-исследовательского авиационного института Василий Сергеевич Горшков. Вместе со всеми он смотрел в небо, сощурившись, нервно теребя лацкан синей форменной тужурки. Ведь именно он разрешил полет, уступив напору Гроховского, и теперь отвечал за него в полной мере. Как бы оправдываясь, Горшков, вздыхая, говорил своему помощнику по политчасти Фоменкову:

– Я ему твержу: «А если?..», а он мне: «Начинать когда-то надо». Я ему говорю...

¹⁶ Имя пилота автору установить не удалось.

– Не волнуйтесь так, Василий Сергеевич, – ровным голосом успокаивал начальника помполит. – Я верю в успех. Пусть не сразу все хорошо, но... уверен. Притом вы же согласовали полет с начальником ВВС, и он одобрил.

– Да, Петр Ионович не возражал. Обещал даже приехать. Но что-то нет его, понимаете, нет!

– Вряд ли появится, сию минуту он в наркомате. Вызван неожиданно. По случаю это мне точно известно.

Горшков перестал теребить лацкан тужурки, теперь его пальцы подергивали пышные рыжеватые усы.

«Фоккер» уходил от аэродрома, превращался в темную точку. Но вот звук мотора стал громче, громче. Снова вскинулись вверх окуляры подзорных труб и биноклей. Горшков, приподняв тяжелый морской «Цейс», через его сильно увеличивающие линзы видел головы летчиков в кабинах.

Гроховский, одетый в темный комбинезон, с желтым горбом парашюта на спине, вылез из кабины довольно неуклюже. Упав на плоскость самолета боком, уцепился одной рукой за вертикальную стойку крыла. Ладонь другой руки положил на грудь, на карманчик вытяжного кольца. К летчику он лежал спиной, повернув в его сторону только затянутую в шлем очкастую голову...

Лётчик П. И. Гроховский после первого парашютного прыжка

Под самолетом граница летного поля. Летчик Иванов выбросил в сторону руку в черной краге. Гроховский отпустил стойку, и встречный ветер» слизнул его с покатога крыла. Как только опора под ним исчезла, он дернул за кольцо. Под напором воздуха легкий шелковый купол выпорхнул из ранца. Над Гроховским совсем близко промелькнуло голубое брюхо самолета, и задняя часть фюзеляжа – костыль – зацепила купол.

Так как «Фоккер» волок парашютиста за собой недолго, Гроховский не успел оценить трагедийность этого мига, не успел даже испугаться. Треснула шелковая ткань купола – парашютиста дернуло. Вырывало клоч шелка сбоку. В следующую секунду Гроховский уже раскачивался под бело-красным выпуклым зонтом и радостно кричал. Спускаясь, он вел себя как

мальчишка: крутился на стропах, перебирал ногами, будто бежал по небу, подтягивался, усаживаясь на лямках поудобнее.

А ветер нёс его. Нес в сторону города, и радоваться можно было лишь тому, что раскрылся парашют.

Расчет «на глазок» не состоялся. Иванов подал знак точно на границе аэродрома, но не учел, как быстро его гонит вперед попутный сильный ветер. Совсем чуть-чуть промедлил на крыле Гроховский, был проташен самолетом за купол несколько сот метров. Когда все ошибки и задержки сплюсовались и купол стал тугим, аэродром уже далеко ушел за спину парашютиста. Под ним шоссе. Но и серая змея дороги торопясь уползает в сторону... Окраина города... Трамвайные провода... Парк. До земли – метры. Перед Гроховским вылез желтый двухэтажный дом. Парашютист подтянулся на стропах и, задев ногами за конёк, перелетел крышу.

Он не видел, что творилось на улицах большого города. Кричащие люди, собираясь в толпы, толкая друг друга, бежали в сторону, куда летел Гроховский. Автомашины разных марок, завывая клаксонами, устроили настоящую гонку, лишь пешеходы, путаясь под колесами, мешали им развить максимальную скорость. Все хотели поближе увидеть человека, падающего с неба на разноцветном мешке. Над Москвой впервые летел парашютист!

Спешила к месту его приземления и белая санитарная машина, в ней, рядом с Малыничем, сжавшись в безмолвный комочек от переживаний за мужа, тряслась Лидия Гроховская. Она приехала на аэродром потихоньку, вопреки приказу мужа сидеть дома, и пряталась как раз в «санитарке».

Гроховский грузно упал на окраине, в огород, на капустные грядки, рядом с цыганским табором. Надутый ветром купол парашюта, как парус, протащил его несколько метров по земле и потух. Из-под серых парусиновых навесов, палаток, кибиток на колесах высыпали цыгане, и стар и млад. Они окружили парашютиста тугим разноцветным кольцом. Никто не голосил.

Прошла минута оцепенения, и молодая цыганка, опустив долу черные очи, поклонилась парашютисту:

– Счастливый будешь!

Цыгане все разом загомонили, поздравляли Гроховского, чествовали, много рук потянулось помочь ему снять с плеч лямки. Кто-то из женщин пел здравицу. Четверку бацал перед летчиком черномазый красивый пацанчик в рваной лазоревой рубашонке. А старая цыганка, скрываясь за спинами сородичей, кухонным ножом кромсала шелк парашютного купола, приговаривая под нос:

– Хорошее платье выйдет... ай, радость мягкая... хорошее платье сошью.

– Пусть будет два, три, четыре! – шептала рядом с ней чернокосяя молодайка вытаскивая из потайного кармана цветастой юбки острый ножичек.

– Ты спасся из железной птицы в нашем огороде, – важно говорил курчавый статный цыган с проседью в широкой антрацитовый бороде – Это большое счастье тебе и почёт нам. Долго-долго помнить будем...

– Ты наш гость! – слышалось отовсюду. – На попей...

Гроховский улыбался, кивал, жал протянутые жилистые мужские и мягкие женские руки. С удовольствием опорожнил медный черпак с холодным ядреным квасом, стряхивая капельки с груди, от души благодарил:

– Спасибо, чавеллы!..

Затрещал ветхий заборчик огорода – это прорвалась к парашютисту плотная толпа людей с улицы. Подвывая мотором, осторожно через обломки палисадника перебирался санитарный автомобиль, перед его парившим радиатором бежали Лида и Малынич. Гроховский попытался шагнуть им навстречу, но его подняли на руки и понесли...

На том месте, где приземлился Гроховский, цыган уже не было. Они словно испарились по чьей-то грозной, команде. Одинокó стоял и грустно дул в деревянный свисток милиционер. Он выводил минорные трели, держа в руках оставшиеся от парашюта лямки без металлических карабинов и обрезки строп. От купола не осталось и кусочка. Зато вдалеке цыганки уже щеголяли в шелковых белых и красных платках. Милиционер пожаловался подошедшему Малыничу:

- Сладу нет с непутевыми!
- Смотреть надо было зорче.
- Та я ж не знал... поздно подоспел.

Вздыхнув, Малынич поспешил к «санитарке», которая уже разворачивалась на огороде.

Карета «скорой помощи», позванивая колоколом на манер пожарной автомашины, катилась на аэродром, где летчика ждало начальство. Лида, обняв мужа, спрашивала, как он себя чувствует.

– Прескверно, Лидонька, как многое мы не учли! На ветер не обратили должного внимания. Как летуч парашют!

– У тебя где-нибудь болит?

– А прыгнул я как неуклюже! И надо же, почти на крыле дернул кольцо! Мог голеньким остаться, без купола! Ведь мог и летчика погубить! Нет, нужны точные расчеты и отработка прыжка на земле. С кондачка не получится!

– Ты, кажется, прихрамываешь?

– Приземляться враскорячку тоже нельзя. Тренажеры строить будем, Лидонька!

На аэродроме Гроховского первым встретился специалист института по парашютам Скрипухин. Сухо поздравив летчика с благополучным приземлением, манерно пожал ему руку и заметил:

– О сцене на месте приземления, увы, уже знаем. Весть привез мотоциклист. За парашют, подаренный вами цыганам, придется, уважаемый Павел Игнатьевич, платить. Вам, извините, лично платить. «Ирвины» у нас на вес золота.

– И сколько же он стоит? – смутился Гроховский. Услышав названную цифру, с горечью произнес: – Мне и за два года столько не заработать.

– Намереваетесь еще прыгать? Или всё таки поняли, что к подобным действиям нужно планомерно и неторопливо готовиться?

– Обязательно буду прыгать, товарищ Скрипухин... если доверят. Неужели так дорого стоит парашют Ивина? За что ж платить такие деньги, за тряпочки и верёвочки?

– Я не шучу, уважаемый. Мы переводим за границу не ассигнации, а золотые рублики. Золото, товарищ Гроховский, червонное! Ирвин достоин того...

Лидии Л. Гроховская вспоминает:

...Бизнесмен Ирвин прилично зарабатывал на своих парашютах, Спасшимся с их помощью лётчикам дарил значок «Золотая гусеница» из чистого золота. Первым из советских летчиков его получил М. Громов. Ирвин ловко стряпал увлекательные и страшные рекламные фильмы, в них все пилоты, попавшие в аварийную ситуацию, погибали, если пользовались парашютами других фирм. Тут же рассказывалось, что Ирвин использует для своей продукции только шелка японской засекреченной фирмы, и вырабатываются они из неповторимых коконов. Одни из таких короткометражных фильмов я видела.

– Тысяча рублей золотишком спекулянту Ирвину за парашют?! С какой стати! Он жиреет на пашей серости. Надо сделать свой парашют, из недорогой ткани, – загорелся Павел...

Муж совершил благополучно еще два прыжка. Четвертый для него чуть не оказался роковым.

Считая, что большие высоты для десантников опасны (пока они спускаются, враг может их расстрелять), Павел с каждым полетом уменьшал высоту прыжка. На сей раз было шестьсот метров. Опять произошла ошибка с ветром и другие накладки. Павла отнесло за границу аэродрома в самое неудачное место: на ограждение из колючей проволоки. Он зацепился ногами за стальные колючки, его повернуло, купол, прижимаясь к земле, резко дернул Павла и он с маху упал на жесткую каменистую россыпь спиной. Удар был настолько сильным, что сразу же парализовало руки и ноги.

Я примчалась в госпиталь и увидела его в полном сознании, но совершенно беспомощным. Это было ужасно...

До сих пор не могу забыть виноватое выражение лица и слова:

– Врач говорит, что случилась контузия, но со временем двигательные функции восстановятся. Не плачь, Лидонька. Тебе нельзя волноваться, ведь скоро будешь мамой.

Почему-то именно слова «двигательные функции» меня особенно испугали. Перед глазами встали гипсовые руки, ноги, корсеты на свалке около санатории для военных и Евпатории. Я не могла сдержаться и разрыдалась. Меня чем-то напоили, и выпроводили из палаты, отвезли на автомашине домой. Малынич передал просьбу лечащего врача не приходить в больницу неделю-другую.

Я навещала Павла каждый день. Врач оказался прав. Постепенно Павел стал шевелить пальцами рук. Потом садиться на койке. Потом вставать с койки при помощи костылей. Делать несколько неуверенных шагов. У него оказалась очень сильная воля.

В госпитале Павел постоянно думал о парашютах. Когда смог, стал рисовать, чертить на бумаге, считать. Я подолгу и как можно внимательнее слушала его рассуждения. Его парашют должен быть устойчивее парашюта Ирвина и, самое главное, намного дешевле. Он решил использовать для пошива купола самую дешевую ткань. Поручил поспрашивать в библиотеках книгу о разных пошивочных материалах. Я такую книгу отыскать не сумела.

– Понимаешь, Лида, чтобы сбросить пушку, например, понадобится в десять-двадцать раз больший парашют, чем людской. Если его делать из японского шелка, сколько он будет стоить? Намного дороже самой пушки! Не дело! Только дешевый парашют позволит нам сбрасывать массы людей, сотни, тысячи бойцов и технику, любую технику! – говорил он убежденно.

После лечения в госпитале врачи советовали ему полежать дома. Куда там! Удержишь его в постели! Вскакивал с первым утренним лучиком. Мы ходили по магазинам, ощупывали разные материи: перкали и даже батист. Пробуя на прочность, рвали полосы материи, растягивая вдвоем изо всех сил. Я шила парашюты небольших размеров.

По вечерам Павел через чердак забирался на железную крышу трехэтажного дома №23 в 1-м Колобовском переулке, ловил ветер хлопчатобумажным парашютиком своей конструкции, одним из «вариантных», как он их называл. Я стояла на улице, обычно в окружении дворовых мальчишек, – мы ловили «зонтики» внизу, иногда снимали их с электропроводов или с соседних крыш малоэтажных домов.

Глава 6. Задание Тухачевского

Идея создания нового парашюта Гроховскому была подсказана необходимостью.

Основанный в 1926 году Научно-исследовательский институт ВВС РККА должен был начать «систематические и всесторонние испытания» всех существующих в то время более-менее надежных парашютных систем. Почти целый год ушел на организационные мероприятия. Затем в распоряжение ВВС поступили несколько сот закупленных парашютов – все спасательные – фирмы «Гофман», стоимостью по шестьсот долларов каждый, позже приобретали в громоздких ранцах японские «Нанака», английские «Жекекую», французские «Авиарисес», тоже не дешевые, и парашюты «Ирвин» по тысячи валютных рублей за штуку.

Занимался в НИИ исследовательской работой по зарубежным системам специалист Скрипухин, безраздельно верующий в безотказность иностранных парашютов и скептически относящийся к отечественному парашюту Глеба Котельникова. Модернизацией и улучшением этого парашюта занимался летчик и инженер Михаил Савицкий с единомышленниками. Но они работали в условиях недоверия, плохо обеспечивались материалами. Савицкий готовился к поездке в Америку для изучения организации производства парашютов. Смог поехать туда только в 1930 году.

До 1929 года исследовательская работа ограничивалась изучением конструкций иностранных марок, составлялись инструкции пользования ими, описания на русском языке.

Практической экспериментальной работой не занимались, и, конечно, пропагандой парашютного дела тоже. Летчики не верили в безопасность парашютного прыжка. Скрипухина из НИИ за глаза называли «гросс-теоретиком безнадёжного дела».

За два с лишним года не сделали ни одного прыжка с целью изучения систем в воздухе. Только в апреле 1929 года, когда Скрипухин и его приверженцы пришли к теоретическому выводу, что лучшим в мире является парашют системы «Ирвин», в Америку послали Леонида Григорьевича Минова для ознакомления с аварийно-спасательной службой в авиации США. 13 июля в Буффало он совершил свой первый прыжок и отбил телеграмму в Москву:

«ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК УДАЧНО – МИНОВ».

Такие темпы развития парашютизма не устраивали командование Красной Армии. Год назад в Ленинградском военном округе командующий войсками этого округа и член Реввоенсовета СССР Михаил Николаевич Тухачевский провел военную игру по теме «Действие воздушного десанта в наступательной операции», но, как говорится, «на картах и на пальцах» – его новаторская мысль не имела материальной поддержки.

Для создания в короткий срок мощных Вооруженных Сил нужны были люди энергичные, умные, способные быстро осуществить модернизацию вооружения, сказать новое слово в оснащении передовой техникой советских войск. Таких людей искали.

Павел Игнатьевич Гроховский был как раз одним из тех многих людей, на которых возложили эту нелегкую миссию по технике, существующей только в задумках.

Летчиком-испытателем в НИИ ВВС он почти не работал, ему сразу же поставили задачу на создание технических новинок для Военно-Воздушных Сил, затем дали более точную цель – для воздушно-десантных войск.

– Думайте над этим, – напутствовал при одной из первых встреч Петр Ионович Баранов. – Если нужны помощники, они у вас будут. Средства – по необходимости. Однако старайтесь экономить.

– Постараюсь быть скромным, – пообещал Гроховский.

Тогда-то он и попросил в помощники молодого инженера Владимира Иосифовича Малынича и небольшое пустующее помещение в подвале одного из зданий НИИ.

Обе просьбы его удовлетворили.

Первый доклад Гроховского о проделанной работе (различные типы агитбомб и носилки для перевозки раненых под крыльями самолета) начальник ВВС выслушал с интересом, попросив излагать неторопливо, с бумагой и карандашом в руках.

– Нуте-с, еще раз о подвесках, и подробнее. – И позже: – Каковы дальнейшие планы?

Когда Гроховский поведал о своих замыслах и показал эскизные рисунки объектов, Баранов удивился:

– И все намеченное думаете спроектировать вдвоем?

– Вытянем с божьей помощью.

– Бог – помощник липовый, товарищ Гроховский. На бога надейся, а сам не плошай...

Будьте у меня завтра в пятнадцать ноль-ноль со всей документацией, какая есть. Не опаздывать! – приказал Баранов и отпустил подчиненного.

На другой день в кабинете Баранова летчик-изобретатель встретился с членом Реввоенсовета СССР Михаилом Николаевичем Тухачевским.

Высокого с ладной военной выправкой командующего Ленинградским военным округом Гроховский видел не раз, но всегда издалека. Его не удивило и присутствие Тухачевского в кабинете Баранова: как и многие, он знал, что они дружат еще с 1921 года, когда вместе руководили войсками, атаковавшими со льда мятежный Кронштадт. В особом штурмовом отряде там был и Гроховский, подчинявшийся непосредственно Павлу Дыбенко.

И то, что сейчас Тухачевский является инициатором быстрейшего создания воздушно-десантных войск, Гроховский тоже знал не понаслышке, а по статьям и выступлениям командующего.

Баранов представил Гроховского. Тухачевский сразу же попросил:

– Повторите мне то, что вы рассказывали Петру Ивановичу о будущей технике десантных войск, и покажите, что у вас в папке, вы ее так крепко прижимаете.

Гроховский любил внимательных слушателей, когда чувствовал, что его мысли заражают других, одобряются, говорил долго и подробно. Беседа велась в непринужденной обстановке, за чашкой чая. Никто не поглядывал на часы.

Баранов приказал отключить его телефон и доступ в кабинет закрыть для всех без исключения.

В сокращенном варианте речь Гроховского свелась к следующему:

– Без дешевых парашютов я не вижу десантника. Парашютов нужно много. Разной грузоподъемности, и мы сошьем их из хлопчатобумажных тканей¹⁷. У нас пока нет специальных транспортных самолетов для перевозки десанта, но мы сделаем их, а пока оборудуем «Пуму» и другие подходящие машины подкрыльными люльками для перевозки людей, специальными ящиками для грузов, подвесными кабинами, коробами для транспортировки продовольствия, боеприпасов, медикаментов...

– Извините, о какой это «Пуме» вы сказали?

На вопрос Тухачевского ответил Баранов:

– «Пумой» летчики называют самолет Р-1 с мотором «Сидлей-Пума».

– Продолжайте, товарищ Гроховский.

– Я вижу ясно такую картину: красноармейцы большими компактными группами выбрасываются из самолетов в полном боевом снаряжении, вместе с ними в специальной таре падает на землю дополнительное снаряжение, необходимое для затяжного боя, а также тяжелое вооружение: станковые пулеметы, пушки, мотоциклы, автомашины, может быть даже лошади, и легкие танки, походные кухни. Все, что нужно красноармейцам для сражения на незнакомой местности в отрыве от своих тыловых баз, для их быстрого передвижения и мобильности.

¹⁷ США, например, проводить изыскания по замене шелка в парашютах другим, более дешевым материалом начали только в 1932 году.

– Хорошо, что кухни не забыли, – улыбнулся Тухачевский. – «Путь к сердцу солдата лежит через желудок».

– Будет у них и специальное легкое оружие для борьбы с бронетанковыми силами противника... Десантные подразделения, выброшенные на разные площадки, связываются друг с другом телефонным проводом, его протянут самолеты при помощи специальных барабанов, установленных на их бортах... Общее руководство военной операцией, корректировка действий отдельных отрядов проводится с неба при помощи мощных радио-установок на самолетах-«штабах». Голос командующего будет слышен на четыре-пять километров вокруг, а если хорошо поработаем над усовершенствованием репродукторов – и дальше.

Тухачевский, удобно расположившись в кресле у окна, долго стряхивал с рукава своей белой гимнастерки, какую-то соринку. На полноватом лице застыла улыбка, выдававшая его блаженное состояние. Ведь сейчас говорили о том, чем он жил последние годы, писал в «Новых вопросах войны»¹⁸. Ему нравилась здравость рассуждений и горячность молодого сутуловатого летчика-изобретателя. То, о чем Гроховский пока фантазировал, Тухачевский представлял в действии.

Баранов писал за столом, останавливаясь, когда Гроховский говорил что-то новое для него, и закончил писать, когда тот замолчал. Две-три минуты в кабинете было слышно, как летает одинокая муха. За окном прогрехотал трамвай. Подал голос телефон на столе у Баранова, но не отреагировал.

– А историю десантирования вы знаете? – спросил Тухачевский, играя в руках шахматной фигуркой.

– Слабо, товарищ командующий, – признался Гроховский. – Трудно найти материал. Честно сказать, и не интересовался особенн, время уплотняем делом. И все равно его не хватает.

– А полезно бы и для истории немного времени выкроить... В конце первой мировой войны был прецедент – на пяти самолетах англичане высадили в тыл немцев диверсионный отряд для взрыва железнодорожного туннеля. Но это был посадочный десант. С парашютом выбрасывались одиночки для диверсионной работы... В апреле этого года, наверное, читали, товарищ Гроховский, мы высадили сорок пять бойцов в районе города Гарм, в Таджикистане. Бойцы помогли уничтожить крупную банду басмачей. И опять только посадочный десант. Он сложен по многим причинам. Нам нужны парашютно-посадочные... Над чем конкретно вы работаете сейчас? – спросил Тухачевский.

– Над всем. Но ни над чем конкретно, товарищ командующий, – думы, наброски, эскизы, Ну, модели еще. Нужны разработчики, определенные условия, средства. И план, наверное. Не знаю, что требуется сейчас, что после, а хотелось бы работать последовательно, видеть ближайшую цель.

– Вопрос решим в ближайшее время, и оперативно, – вмешался Баранов. – При нашем управлении создадим конструкторский отдел под вашим, Гроховский, руководством. Выделим помещение на Ходынке. И план будет. Михаил Николаевич, – обратился он к Тухачевскому, – вы что-то хотели сказать об агитбомбах?

Тухачевский оторвался от эскизов в папке, которую держал раскрытой на коленях.

– Да, меня заинтересовали ваши агитснаряды, товарищ Гроховский. Я говорю о спускающихся на парашюте. Не кажется ли вам, что они могут служить исходными к другим конструкциям? Не думаете ли вы сделать так, чтобы из бомбы сыпались не листовки, а что-нибудь горячее, зажигательное и ночью освещало землю?

¹⁸ Рукопись «Новые вопросы войны» стала книгой в 1931 г.

Группа парашютистов-десантников впервые прыгнувших на парашютах П.И Гроховского

Гроховский заметил еще в начале разговора уважительную манеру речи командующего, он не давил своим авторитетом собеседника, не указывал, часто употребляя выражения: «Не лучше ли поступить иначе?»,

«Не думаете ли вы?», «Не кажется ли вам?». И хотя Гроховский предусмотрел для своих бомб начинку фосфорную и динамитную (для борьбы с самолетами противника), ответил:

– Я подумаю, товарищ командующий.

– Ну и хорошо. Возьмите рисунки. Спасибо за толковую беседу.

Прощаясь, Тухачевский обещал:

– Мы с Петром Ивановичем окажем вам всяческое содействие. Работаете, только не разбрасывайтесь.

– Все задуманное взаимосвязано и предназначено для одной цели, все вытекает из одной мысли о воздушном десанте, – четко ответил Гроховский. – Начали с парашюта. На чем дальше сосредоточить силы – подскажете.

– Правильно! Сначала дешевый, но хороший парашют для бойца, и грузовой. И радио-установка на самолете мне почему-то очень понравилась! – весело говорил Тухачевский, провожая изобретателя к двери. У выхода пожал ему руку:

– Надеюсь, не раз встретимся. Работайте смелей.

– Есть работать, товарищ командующий!

Когда Гроховский ушел сияющим, Тухачевский промолвил:

– Слово еще не дела... Веришь ли, Петр Иванович, что я буду командовать десантом с неба, а? Не мечтаем ли как мальчишки?

– «Ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. Сегодня утопия, завтра – плоть и кровь», – процитировал наизусть Виктора Гюго Баранов...

В январе 1930 года Реввоенсовет СССР утвердил программу строительства определенных типов аппаратов – самолетов, аэростатов, дирижаблей и другой авиационной и десантной техники.

Тему «Воздушная пехота» энергично разрабатывал конструкторский отдел Гроховского, отпочковавшийся от НИИ ВВС под крыло штаба ВВС. Кроме Владимира Малынича помощниками начальника отдела стали: Иван Титов – первый заместитель, Игорь Рыбников – ведущий конструктор, Федор Потапов – инженер-расчетчик, Николай Преображенский – художник-конструктор, Лида Кулешова – чертежница, все люди здраво мыслящие и честлюбивые..

В отделе, созданном исключительно из молодежи, обладавшей не обширными профессиональными знаниями, а главным образом неистощимым энтузиазмом, взялись творить и проводить первые смелые эксперименты. Они старались делать все возможное, и как можно быстрее, для перевозки на самолетах боеспособных подразделений Красной Армии, снабженных всеми видами пока легкого оружия для проведения боевых действий в тылу врага.

Десант перед посадкой в ТБ-3

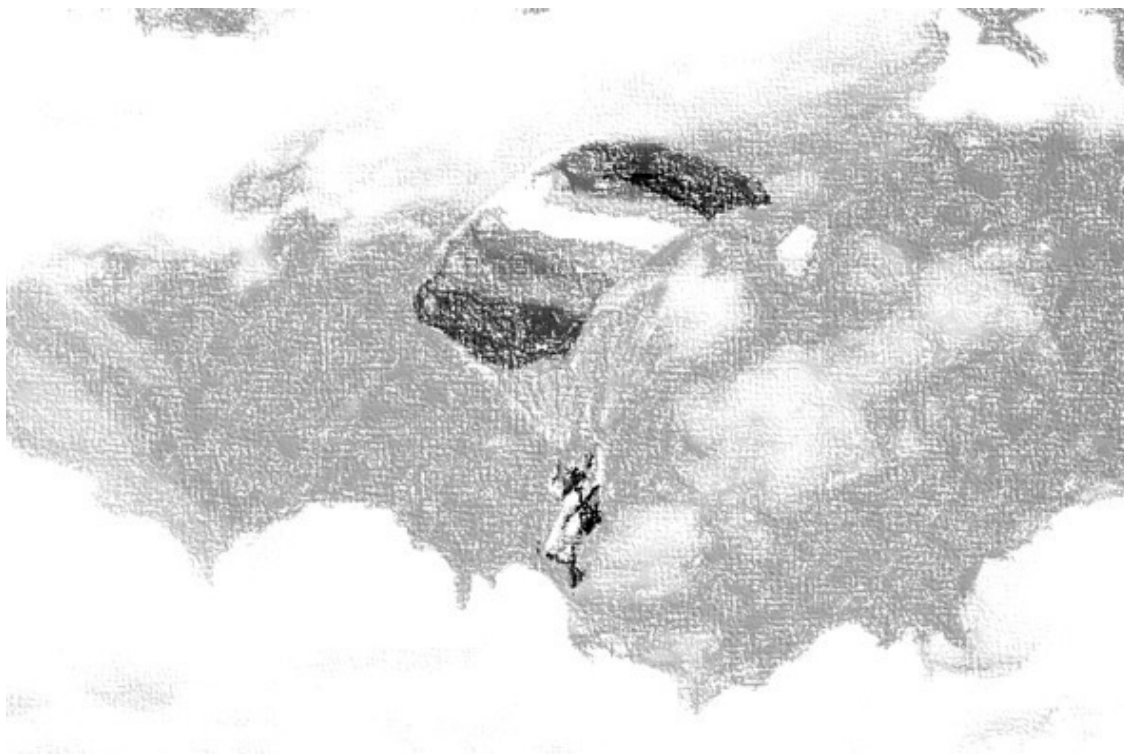
Свою «парашютную одиссею» Павел Гроховский начал с поездки в Ленинград к первому русскому конструктору парашютов Глебу Евгеньевичу Котельникову. И хотя пятидесяти семилетний изобретатель в это время занимался далекими от авиации работами, он по-доброму принял Гроховского и между ними состоялась многочасовая неторопливая беседа.

Я еще два года тому назад писал товарищу Ворошилову, что крайне необходимо разворачивать большую исследовательскую работу в области парашютизма, – говорил Котельников. – Надо заставить летчиков прямо-таки в порядке декрета при полетах брать с собой парашют. Ответ получил не от Климента Ефремовича, а от неизвестного мне лица, – ответ, ничего не обещающий.

Не таясь, пожилой изобретатель делился с молодым коллегой думами об управляемом парашюте, о различных применениях парашютов тормозного, газового, плавающего баллонета. Иногда он отрывался от действительности и, мечтая, рисовал картины применения парашютов в будущем.

Мой дом открыт для вас, – сказал Котельников, прощаясь с Гроховским, – а я всегда к вашим услугам! И привозите с собой всех, кто увлечен парашютами...

Год 1930-й

*Настойчивость для мужества – то же,
что колесо для рычага; это
беспрерывное обновление точки опоры.*

В. Гюго

Глава 1. «Тряпочный» парашют

Лидия А. Гроховская вспоминает:

...В Новый 1930 год Павел повез меня к знакомым и родственникам товарища по Евпаторийскому летному отряду. Сестра Федоренко, Людмила Иосифовна, была женой известного тяжелоатлета Яна Юрьевича Спаррэ. Их громадная светлая комната показалась мне музеем, так роскошно по тем временам она была обставлена. На стенах фотографии силачей со штангами и гириями. Прекрасные кубки и статуэтки на резных застекленных полках. Широкие ленты красного, голубого, синего цветов отягощены медалями, значками, жетонами.

Люся, встретив нас очень приветливо, сказала:

– Не стесняйтесь, Лидочка, будь я в положении, ходила бы с гордо поднятой головой.

Впоследствии Ян Юрьевич стал работать вместе с Павлом.

После ужина мужчины, расположившись в мягких креслах, завели свой разговор. О разгроме маньчжур на КВЖД¹⁹. О сплошной коллективизации. Павел, конечно же, рассуждал о планах строительства ВВС РККА, утвержденных в январе.

Через несколько дней, 24 февраля, Павел отвез меня на извозчике в роддом.

25 февраля в 12 часов 15 минут появилась на свет дочка с голубовато-серыми, как у отца, глазами, легкая-легкая, удивительно беленькая и хорошенькая. Довольно густые светлые волосы вились колечками.

При выписке мне на руки положили голубой сверток – мою дочь, завернутую в атласное одеяльце. У подъезда меня ждал новый сюрприз: блестящий двухместный автомобиль цвета какао. Кабина закрыта брезентовым тентом. Я страшно довольна, но, сдерживаясь, говорю:

– Дешевле бы на извозчике.

– Так это наш! «Форд»! Подарок от командования! – гордо восклицает Павел – Тебя как везти, с ветерком или поосторожнее?

– Нас же теперь трое, – говорю.

И он нас прокатил очень осторожно...

Дома перелистываем отрывной календарь, где на каждой странице какое-нибудь современное имя: Октябрина... Марсельеза... Трактор... Индустриализация... Авиета...

– Авиета?! – кричит муж. – Авиета, Вета, Ве-точ-ка... Авиета Павловна Гроховская. Звучит? Даешь Авиету!

И стала дочь Авиеткой. Имя редкое, но со смыслом. Все наши знакомые одобрили выбор имени.

Росла она быстро, становилась подвижной, веселой, ласковой. Когда приходил к нам Владимир Малыич со своей сверхпышной шевелюрой, Авиета запускала ручонки ему в мягкие каштановые волосы и заливалась хохотом. Доброму дяде это очень нравилось, он сам наклонял голову, на, мол, радуйся, малышка!

Потом Владимир Иосифович с Павлом усаживались за стол, раскладывали схемы и наброски, брались за карандаши и счетные линейки. Горячие споры, фантазерство.

Во всем мире сейчас используют парашютную вышку, но мало кому известен ее автор. Как-то раз летом мы с Павлом поехали за город кататься на двухместном «фордике». Миновали окраинные домики. Недалеко лес. Вдруг муж сворачивает на обочину и останавливает машину. Метрах в ста от нас высится на холмике тригонометрическая вышка. Направляемся к ней по полю. Павел лезет вверх до самого конуса (а он высоко), долго там осматривается, что-то соображает и, наконец, спускается очень довольный.

– Отсюда, – говорит, – я прыгну с парашютом.

¹⁹ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД)

- Низко для прыжка.
- Метров двадцать. Высоты хватит.

«Очередной бред или шутка», – подумала я, но промолчала. А «бред» обернулся успехом. Парашюту не надо было много высоты: на «вышке Гроховского» он висел уже растянутый на каркасе, как абажур.

Испытывали парашютную систему вышки так: первым прыгнул Павел, за ним более грузный Гитов, а потом чертежницы Кулешова и Победоносцева вместе, в обнимку.

- Слона можно сбрасывать! утверждал Павел.

С рождением дочки и стала неважной помощницей Павлу. Обсуждать многое продолжали. Со службы он приходил усталый, а голова продолжала мыслить ясно. На разработку в деталях попутных, как он говорил, «мелких идей», часов не хватало, и он стал записывать «мелочевку» в толстую тетрадь, на серой обложке которой вывел крупно: «Задумки». На титульном листе написал красиво такое высказывание: *«В скорости острие технического прогресса, хотите победить. не ленитесь думать!»*

«ЗАДУМКИ». П. И. Гроховский.

«...От верхней площадки сорокаметровой вышки отделяется человек и, вытянув руки вниз, плавно спускается. Над ним раскинут шелковый купол парашюта. Вот парашютист приземляется, точнее, «приводняется», потому что под ним река, – и в тот же момент парашют, автоматически отцепившись от своего груза, уходит вверх.

Прыжки в воду с большой высоты – это для пловцов своего рода фигуры «высшего пилотажа». Чтобы научиться правильно прыгать, необходимо длительно тренироваться...

Гидротренировочная вышка облегчает освоение прыжков с любой высоты и любым стилем. На вышке имеются парашюты разных диаметров. Начинающие пользуются большими парашютами, медленно спускающимися. По мере освоения техники прыжка спортсменов переходит на парашюты все меньших диаметров, при которых скорость падения тела возрастает, и наконец, прыгает самостоятельно. Таким образом, переход от замедленного спуска до скорости свободного падения совершается постепенно.

Такая вышка может служить и для тренировки парашютистов, осваивающих прыжки с самолета в воду...»

Известный парашютист Константин Федорович Кайтанов в книге «Под куполом парашюта» утверждает, что первая парашютная вышка была построена 10 май 1933 года в городе Пушкине (бывшее Царское Село).

В 1935 году он был командирован во Францию. В городке Истр увидел металлическую парашютную вышку, построенную «по русскому образцу». Кайтанов использовал эту вышку для тренировки сержантов и офицеров французских вооружённых сил.

Владимир И. Малынич²⁰ вспоминает:

...Мы шли с Гроховским по аллее Петровского парка, снежок хрустел под ногами. Глядим, навстречу вальяжным шагом идёт Скрипухин. Он имел привычку прогуливаться ранним утром.

Разошлись не поздоровавшись. Вдруг Гроховский останавливается и говорит:

– Минутку, товарищ Скрипухин!

Тот вроде не слышит, продолжает идти от нас. Гроховский, сделав несколько широких быстрых шагов, опередил его и встал лицом к лицу.

– Зачем я вам понадобился, уважаемый? – спросил Скрипухин.

– Есть время поговорить как мужчина с женщиной!

Скрипухин пораздумал-пораздумал и согласился:

²⁰ Малынич Владимир Иосифович – ведущий конструктор Экспериментального института по вооружениям РККА.

– Валяйте, кажется, так вы изволите выражаться?

Вид у «спеца» несмешливый, косая улыбка в сивой бороде клинышком и ехидно прищуренные глаза. А у Гроховского голос почти на срыве. Не было бы беды, тогда подумал я, зная своего начальника, как горячего хлопца. Переместился поближе к ним.

– Почему, – спрашивает, разделяя слова, Гроховский, – вы, товарищ Скрипухин, ставите мне палки в колеса и повсюду, как только заходит разговор о моих парашютах, полезную идею пачкаете?

– А вы тщеславны, уважаемый изобретатель. «Мои парашюты»! Ишь ты, боже мой, – «мои-и»! Покажите мне их. Хоть в полглаза дайте взглянуть на это чудо!.. Окликнули меня на предмет ругани или спора?

– Вы Наркому обороны послали анонимку, где наши работы окрестили галиматьей, а меня оскорбляете кустарем, недоучкой, авантюристом.

– Не делайте из меня подлеца, Гроховский, – Скрипухин досадливо поморщился. – Вы не раз могли убедиться и еще услышите, что я всегда говорю открыто, в лицо самые неприятные для оппонента вещи. Признаю, человек вы даровитый, но ваши прожекты...

– Вот-вот, и прожектером я назван в той писульке!

– ...но ваши прожекты, – спокойно повторил Скрипухин, – невыполнимы, безумны, а посему вредны. И сие докажет время. Оно самый справедливый судья. Сейчас вам, и вам подобным, покровительствует высокое начальство, вы ослепили их каскадом блескучих идей, но, поверьте моему немалому жизненному опыту, настанет день, когда сильные мира сего от вас отвернутся. И первым звонком? будет неудача с вашими парашютами... Вы с пеной у рта ратуете за тряпичный парашют, шьете его, как старая бабка иголкой шили фартучки, – смешно! Допустим даже, что вы правы, ладно скроите и крепко стачаете вручную пару штук; а где та техника, которая сделает ваш парашют массовым? На всю страну нет ни одного квалифицированного закройщика. Ваш самоучка Сергушев – не из портных ли? – и детский слюнявчик не сможет скроить без брака. Или вы считаете себя и, извините, присутствующего здесь инженера Малынича конструкторами? Все на уровне примитива, а это – крах, уважаемые!

Вот так и мне «спец» влепил горячую пощечину. Он смотрел себе под ноги, говорил все более раздражаясь, но в срывающемся фальцете было столько злой убежденности, что Гроховский спросил немного растерянно;

– И вы это серьезно?

– Эх, милостивый государь, думаете, во мне плещется Черная зависть, что не я, специалист с добротным образованием, а вы, самородок, поднявшийся на волне всеобщего энтузиазма, пришли к мысли о дешевом парашюте? Извольте выбросить вон из головы. Я думаю о жизни тех, кому понадобится в сложной, тем более экстремальной ситуации парашют. И если это будет парашют ваш, тряпичный, не завидую летчикам!

– Испытания показали – перкаль не уступает по прочности шелку. Да и парашюты Ирвина рассчитаны только на спасение летного состава и не отвечают требованиям десантников.

– Методика испытаний, знаю, доморощенная. Побеседуйте с Миновым, он расскажет, как скрупулезно работают над куполами американские мастера. Кроме прочности есть масса других условий, которым соответствуют купола фирмы «Ирвин», шелковые, и не могут соответствовать грубые перкалевые. Котельников на этом уже обжегся...²¹ Ваш научный кругозор чрезвычайно узок, читайте побольше, уважаемый изобретатель, если не разбираетесь в технической, хотя бы художественную литературу читайте.

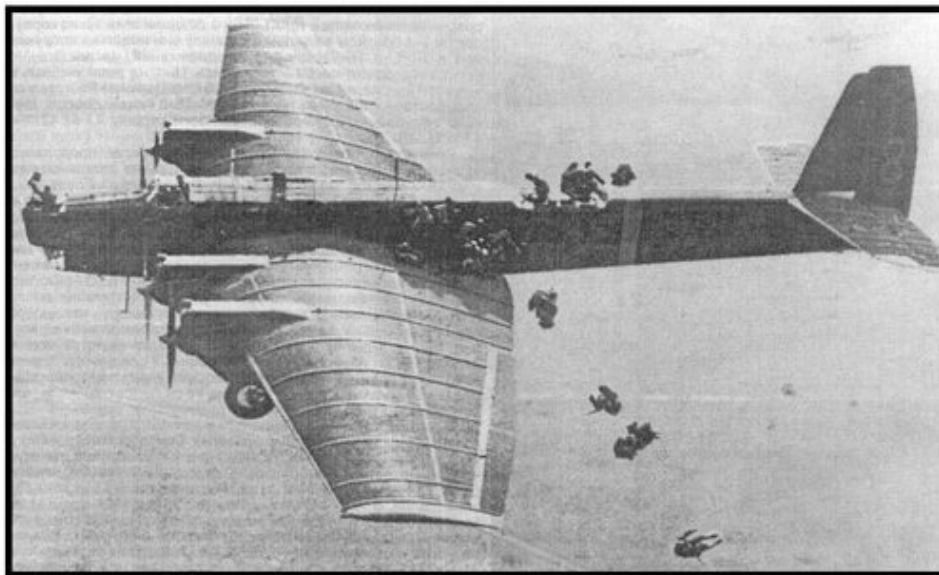
– Унижаете.

²¹ Изобретатель первого русского парашюта Г. Е. Котельников в 1924 г. сшил купол парашюта из мадаполама, довольно грубого бумажного материала. При испытаниях купол не раскрывался.

– Помилуй бог! Не следует так болезненно реагировать на критику. Мне говорили, ваша абонементная карточка в библиотеке быстро заполняется, вы даже занимаетесь с преподавателями средней школы, но в коня ли корм? Не обижайтесь, я имею в виду слабую начальную общеобразовательную и техническую подготовку, а вернее, почти полное отсутствие оных у вас. Чтобы заполнить этот вакуум в образовании, нужны годы, а вы имеете в распоряжении максимум месяцы. Почему так мало? От вас ждут быстрой отдачи. Быстрой! И вы тужитесь. Поэтому и предсказываю ваш крах... Прощайте, спешу. И у меня никогда, учтите на будущее, не возникало желания разговаривать тет-а-тет с подобными вам!

– Не-е-т, стойте...

– Что еще нужно от меня? Вы просили мужской разговор, вы получили его. Вижу, не поняли, и не признали, и не признаете себя дилетантом. Хорошо! Тогда факты... Вы предложили для ПВО тросовое заградительное устройство от самолетов противника. Тросы от барабанов у вас тянутся вверх парашютами. А какая сила поднимает парашют? Вентиляционная установка в корзинке, или, как вы ее называете, мотоблок, состоящий из рамы, к которой крепится авиационный мотор с пропеллером. Я уж не говорю, что это безумно дорого, так сказать, цель не оправдывает средств. Благо для государства – расходов не будет, ваша заградительная сеть никогда не поднимется в небо... Итак, работает мотор, крутится пропеллер, загоняет струю воздуха в купол, и парашют идет вверх. Так?.. Нет, уважаемый изобретатель, не идет он вверх! Никогда не пойдет! И все потому, что ваша идея противоречит физическим законам. Купол парашюта не взмоет – это ясно школьнику начальных классов гимназии. Почему? Да потому, что ваш замечательный мотоблок создает поток воздуха вверх, но одновременно возникает реактивная сила, действующая вниз. Вам пояснить, что такое реактивная сила? Нет? Ну и прекрасно. Так вот, эта сила уравнивает силу потока. А ведь нужна, уважаемый, еще и избыточная сила вверх для подъема тросовой системы. Где она? Нет ее! Ваша идея похожа на абсурдную идею движения корабля, когда команде, стоящей на палубе, предлагают дуть в паруса.

Десантирование с бомбардировщика ТБ-3

Гроховский опустил голову. Лицо его жарко пылало. Да, промашка случилась, и Скрипунин не первый смеялся над проявленной неграмотностью.

– Вы вспомнили былое, – сказал Гроховский, с трудом разжимая губы. – Я о парашютах...

– А я о вас, как об авторе бредовых идей. Прощу меня не провожать!

Скрипухин, заложив руки за хлястик бекеши, ушел, Гроховский стоял в раздумье. Невдалеке виднелась запорошенная снегом речная лавка. Он шагнул к ней, сел. Я примостился рядом, сбросив снег с края.

За голыми темными стволами деревьев парка просматривался ветхий одноэтажный домик на кирпичной основе – наше творческое обиталище. Всего две невеликие комнаты. В одной расставлены фанерные столы для чертежников, в другой, совсем крохотной, помещалась оцинкованная ванна, и называлась клетушка «копировальной». Помещение под пошивочную парашютную мастерскую нам отвели в другом месте, тоже неказистое.

– Может быть, Скрипухин прав, с нашими знаниями и в таких условиях мы не создадим ничего путного? – тихо спросил меня Гроховский.

Я промолчал.

– Значит, ты согласен с гросс-теоретиком?

– Нет.

На работу мы с ним приходили раньше всех. Но скоро выпавший ночью снег утопчет веселая ватага, примчавшихся с автобуса. Домик становится тесным. В отделе прибавилась молодежь – Петр Модин, бывший музыкант, теперь конструктор; красноармеец Огнев, пока на разных работах; удалось привлечь к работе дельного хлопчика инженера Петрова; пришла сама и была зачислена в штат юная чертежница Оля Кастанаева, сестра летчика-испытателя НИИ.

Гроховский поднялся, стряхнул с шинели снег, и мы пошли к домику. Ключ скрежетнул в подёрнутом ржавчиной замке. В чертежной сняли шинели. Я сразу присел на корточки перед холодной печью-временкой, набросал в ее пасть чурбаков. Вскоре мы грели руки у огня.

– Доброе утро, Павел Игнатьевич, Владимир Иосифович!

То пришел Иван Титов. Гроховский сразу бросил ему вопрос:

– Как дела в мастерской, Иван Васильевич? Довольно ли вам иголок, которые я прислал? Помещение в Марьиной роще, сами знаете, неважное, тесное, но шьем.

– Получается?

– Маемся. То шов кривой. То складки. Потянем на разрыв – трещит. Нитки подходящие еле достал. Иглы слабые, гнулись, но я их закалил.

– Рисунок шва взяли с «Ирвина»?

Тут уж ответил я:

– Нет, с котельниковского парашюта: он проще и держит лучше. Добьемся качества, Павел Игнатьевич, не расстраивайтесь. Первый блин всегда комом.

– Нужно испечь хороший блин... Вчера заседало партийное бюро. Первым вопросом поставили наш. Докладывал Скрипухин. – Гроховский посвящал Титова о разговоре на бюро – Ох, как он нас разносил! По его мнению, если и стоит говорить о производстве парашютов, то речь может идти только о небольшой экспериментальной мастерской, где будут шиться купола наподобие ирвинских. Шелк придется покупать у японцев. Вот такая штука, Иван Васильевич! ...Обвинил меня Скрипухин в политическом авантюризме. В смысле технической политики. Мы должны, говорит, не торопясь перенимать опыт технически развитых стран, а потом само время подскажет, делать нам свои парашюты или нет. Пока советует покупать... Скажу тебе, речь Скрипухина не все осудили.

– А вы? – спросил Титов.

– Стоял на своем, как мог. Предложил строить фабрику или завод. И чтобы шили там парашюты из нашего шелка или хлопчатки. Согласен первым прыгнуть на первом советском парашюте. Обучим молодежь, получатся, обязательно получатся из них конструкторы, закройщики, классные чертежники... В конце попросил членов бюро ребром поставить вопрос перед научно-техническим комитетом ВВС о немедленном создании парашютной фабрики. Для нее

уже есть кадры – Савицкий. Просматриваются на горизонте Лобанов, Глушков, Ткачев, другие умные ребята²².

– Чем закончилось бюро?

– Меня поддержали не единогласно. Теперь слово нужно подкрепить делом, Иван Васильевич, тут карты в твоих золотых руках. Не подведешь?

– Месяц даете?

– Подходит. Точнее, в нашем распоряжении двадцать восемь суток. Это вдвое больше двадцати восьми дней. Ты меня понял? В марте – расширенное заседание техкома, и с пустыми руками туда являться нельзя.

– Швей нужны, ведь все пока вручную.

– Добро. Попрошу Косарева прислать комсомолок помастеровее, и чтоб спать не просились.

Взвизгнула дверь, с морозным облаком ввалились в протопленную комнату молодые, веселые люди. Быстро разделись. И пошло:

– Павел Игнатьевич, посмотрите новый эскиз карабина для лямок...

– Я закончила детальный чертеж «клетки», Владимир Иосифович...

– Прошу, Иван Васильевич, в ванную, посмотрим, как будет держаться на воде моделька катера с подводными крыльями...

Всем хотелось показать, что за вчерашний день они сделали, и сделали хорошо. Настроение у Гроховского поднялось. Обращаясь к Модину, он сказал, кивнув на патефон:

– Включай, Петр, «Очи черные» во всю мощь для зарядки, послушаем – и в бой! Потом музыка классическая, громкость – почти нулевая. Как сделать, знаешь...

²² В дальнейшем М. А. Савицкий, Н. А. Лобанов, И. П. Глушков разработали и внедрили в производство большое количество различных парашютных систем.

Глава 2. Сюрприз

В начале марта к домику на окраине Петровского парка подъехали на лимузине «Паккард» начальник НИИ ВВС Горшков Василий Сергеевич и его помполит Фоменков. Визит начальства застал работников отдела в обычном производственном, кажущемся на первый взгляд беспорядке. Чертежи, эскизы, плазы, картонные и деревянные модели лежали не только на столах, но и под ними. Большой лист ватмана был приклеен к полу, на нем незавершенный рисунок, а на одном из углов отпечатался след узорчатой подошвы. Стулья и табуреты сдвинуты тесно. Сидящие на них молодые люди повскакивали, но растерянности не было: начальника и помполита в институте уважали, оба были из рабочих, ценить людей и их труд умели. Горшков, бывший столяр, когда-то ловко управлялся с пилой и рубанком. Воевал. Учился в академии. Человек умный, внешне суровый, теперь с энтузиазмом работал над укреплением мощи советской авиации. Помоложе, но под стать ему был и Фоменков. Помполит благоволил к Гроховскому, удивляясь его энергии, находчивости и потоку полезных мыслей.

Принимая короткий доклад Гроховского, начальник института сердито шевелил роскошными генеральскими усами соломенного цвета. Выслушав, вздохнул:

– Да, небогато живете... Показывай, Павел Игнатьевич, чем занимаетесь?.. Тихо! Откуда это у вас музыка льется?

– Из ящика, Василий Сергеевич. Там патефон, одеялом прикрытый. Нам нужно негромко, а регулятора у него нет.

Пока гости раздевались, Фоменков шепнул на ухо Гроховскому, что «батю интересуют парашюты».

На аккуратном двухтумбовом столе Гроховского лежал большой альбом в черном кожаном переплете с украшением: бронзовый самолетик и парашют. Гроховский подвинул его к севшему на стул Горшкову, открыл. Фоменков, склонившись, поглядывал из-за широкого плеча начальника.

На первых страницах акварелью, но очень четко, контрастно разрисованы уже знакомые Фоменкову объекты – воздушные мишени, несколько вариантов силикатных бомб, картонные мешки, подкрыльные носилки, парашюты разных конструкций с куполами от круглого до треугольного.

– Это все сделано, – пояснил Гроховский.

– Как? И парашюты тоже? – хитро спросил Фоменков.

– С круглыми куполами – да.

– Покажите! – потребовал Горшков.

– Как просмотрите альбом, обязательно.

Начальник сердито скосил глаза на улыбающегося конструктора и перевернул лист. На рисунке парили в воздухе под куполом собака, лошадь.

– Как в цирке! – усмехнулся в усы Горшков.

– Да нет, товарищ начальник, это не юмор. Петр Ионович Баранов передал мне разговор с Окой Городовиковым, тот желает, чтобы его кони тоже летали.

– А сам в седле с неба он прыгнуть не желает?

– Может и рискнуть, он человек бедовый.

– Ни к чему, – проворчал Горшков и стал быстрее листать альбом. Один рисунок задержал его внимание? Лодка под крылом самолета? Спасательная, что ли?

– Это опрокидывающаяся люлька для парашютиста.

– Поясни.

Гроховский кратко обрисовал сущность изобретения.

– Посмотрим в деле, – буркнул Горшков. Тронул пальцем изображения подцепленных к фюзеляжу самолетов танкетки и пушки:

– Вот такое мне нравится. Только пока картинки. Рисовать они горазды, а, Фоменков!

– Пока картинки, – согласился Гроховский, – но ребята уже трудятся над разработками.

– Парашют давай! – нетерпеливо потребовал Горшков, и, захлопнув недосмотренный альбом, поднял свое грузное тело из-за стола. – Курить у вас тут можно?

– Вот пепельница, Василий Сергеевич.

– Парашют показывай!

Круглоголовый, стриженный под нулевку Титов, до этого скромно пребывающий в сторонке, поспешил в комнату, где стояла ванна, и вынес оттуда объемистые свертки. Пошумели, рассовывая стулья по углам, сдвигая столы в один, широкий и длинный. Очистили его от бумаг, и Титов, Малынич, Катя Луцкая разложили парашют. Голубовато-серый, искрящийся, он выглядел очень красивым. Или так казалось авторам. На лицах начальников восторг пока не прописался. Им общего вида было мало.

Горшков и Фоменков щупали купол, растягивали, пытались оторвать стропы. Особенно усердствовал в испытании на прочность помполит. Он горячо поддерживал идею Гроховского о массовых дешевых парашютах и вот теперь, чтобы уверовать в новинку ещё больше, силился разорвать материю, особенно по шву, а чтобы удобнее тянуть, наступил на стропу ногой.

– Полегче бы! – вырвался у кого-то.

– Стropы из обычного хозяйственного шнура, на котором женщины сушат белье, – заметил Гроховский.

– Не отвлекай! – пропыхтел Фоменков, теперь уже пытаюсь оторвать стропу от кромки. Не удалось.

Нежно побаюкав в ладонях мягкий край купола, Горшков спросил Титова:

– Что во втором мешке?

Разложили другой купол, он был мягче первого, но не такой красивый, светлого грязно-коричневого цвета.

– Из нансука, – пояснил Титов. – Стоимость ткани семьдесят копеек за метр. По прочности уступает перкалю и шелку, но, считаем, она достаточна.

– Где испытывали?

– На разрыв лошадьми в манеже.

– Требуется доказательства в реальных условиях! – заявил еще розовый, не остывший от попытки силовой расправы с перкалевым куполом Фоменков.

– И завтра же! – довольно поглаживая усы, подтвердил Горшков.

– Мы готовы.

– Не звоните особенно. Пока это наше внутреннее дело и результаты не будем выносить из избы.

– Сомневаетесь, Василий Сергеевич? – спросил Гроховский.

– А вы – нет? Ишь, какое самомнение!.. Ладно, приглашу кого-нибудь из начальства повыше, – пообещал Горшков, направляясь к вешалке...

...На неофициальных испытаниях кроме руководителей института присутствовал помощник начальника ВВС Сергей Александрович Меженинов. Пока самолет набирал высоту, он беседовал с Гроховским.

– Не опростоволоситесь, Павел Игнатьевич? Петр Ионович очень ждет успеха.

– Расчеты проверили не раз. Раскройка и пошивка выполнены, на наш взгляд, безупречно. Постарались. Укладка и упаковка не внушает сомнений. И все-таки... тревожно.

– Понимаю... Значит, только перкалевые?

– Из нансука к испытаниям не готов. Решили усилить швы... И подвесная система не закончена.

Весеннее небо распахнулось голубизной, солнце набирало силу. Почти над центром аэродрома прошел густой утиный косяк, на миг прикрыв самолет в зените.

Но вот и он вышел на расчетную точку сброса, вывалив с борта один за другим манекены.

«Эх, зря мы в них по сотне килограммов песка набили, надо бы сделать полегче!» – казнил себя Гроховский.

(Нормальный вес манекена восемьдесят килограммов. Не погубила бы излишняя самоуверенность.)

Манекены падали вращаясь. Недолго. Как только раскрутились 50-метровые фалы при нудительного раскрытия, над манекенами заплескались беловатые колбаски вытянутых куполов, вскоре они приняли округлую форму.

Одно испытание – на прочность при аэродинамическом рывке – парашюты выдержали.

Теперь на скорость снижения – не превратятся ли манекены, приземлившись, в кучки песка?

Манекены мягко ударились о сырую землю, плавно опадая, их накрыли купола...

– Давайте еще раз! – потребовал Меженинов.

И опять сброс прошел успешно.

– Еще попробуем, чтобы уж наверняка, – велел Горшков.

Когда парашюты вновь сработали безотказно, Меженинов протянул руку изобретателю.

– Поздравляю вас и ваших ребят, Павел Игнатьевич! Хорошо начато важное дело. Успеха и в дальнейшем!

– И на заседание научно-технического комитета вы явитесь во всеоружии, – сказал Горшков, тепло поздравляя Гроховского. – Учтите, председатель НКО Дубенский не очень к вам расположен. Думаю, вашей группе стало тесно в домике, мы поищем для бюро другое помещение, и поближе к Ходынке. Поговорю об этом с Петром Ионовичем Барановым.

– Вы сказали: «бюро»? – уточнил Гроховский.

– Не оговорился. Есть мнение дать вам полновесные штаты конструкторского бюро.

– Благодарю! – с чувством произнес Гроховский. – Постараемся оправдать доверие.

В этот день вечером в отделе особенно долго гремела музыка. На диске патефона сменялись пластинки. Сотрудники радовались успеху испытаний и предвкушали новоселье, зная: Горшков слов на ветер не бросает. Заранее прощались с домиком у Петровского парка и серебристыми ветлами, окружавшими его. Свет в окнах погас поздно.

Настороженное отношение к себе со стороны председателя НТК по изобретениям ВВС Дубенского Гроховский почувствовал давно, еще при первой встрече, когда приезжал в Москву из Новочеркасска. Тогда Дубенский сказал на прощание: «Вам надо много работать над собой. Ваши идеи, мягко говоря, технически сомнительны. Все, что я сегодня услышал от вас, нуждается в глубоком осмыслении и проработке».

Гроховского теперь довольно часто приглашал к себе Баранов, встречая вопросами:

– Нуте-с, как идут дела? Что еще придумали?

Изобретатель увлекался, рассказывая, и, если при этом присутствовал Дубенский, он всегда будто выплескивал на горячую голову ковш холодной воды.

– Контуры, общие очертания, – говорил со скепсисом, – натура нужна, поддающаяся пробе. Нет пока таковой... Модели не в счет. При увеличении до нормального объекты имеют прескверную привычку терять качество.

Поэтому к заседанию техкома, где должен был обсуждаться вопрос о массовом изготовлении хлопчатобумажных грузовых и людских парашютов, в отделе готовились основательно. Пошивочная мастерская не пустовала круглосуточно. Она была тесной, а с помощниками-комсомолками организовались три бригады, и поэтому работали в три смены. Иван Титов дневал и ночевал там, заряжая всех своей энергией.

И опять, как на заседании партбюро, перед членами НТК ВВС первым выступил Скрипухин. Он, по ходу речи, использовал теоретические выкладки, цифровые расчеты, приводил мнения зарубежных специалистов-практиков, цитируя их.

– Ошиблись в раскройке и – брак! – резюмировал он. – Представим, что мы сумеем довольно быстро добиться качества изготовления. Но перкаль и нансук, даже при этом условии, подведут нас скоро. Эти материалы подвержены слеживанию и гниению, так как очень гигроскопичны. Значит, хранить их в упакованном виде нельзя. Хранить нужно развёрнутыми, на крючочках. Но какие громадные площади, специально оборудованные помещения для этого потребуются, товарищи! Постройка их влетит в копеечку! Во сколько же обойдется эксплуатация пресловутых дешевых парашютов?.. Товарищ Гроховский сшил с грехом пополам два парашютика из перкали и благополучно сбросил на них мешки с песком. Но это нельзя считать всесторонним, официальным испытанием, это только проба. Я остаюсь при своем мнении, и его разделяют многие специалисты нашего дела: ориентироваться на хлопчатобумажный парашют Гроховского нельзя. Ошибка, граничащая с вредительством! Нельзя доверять жизнь человека тряпке, извините, тряпке уважаемого Гроховского. Перкаль и особенно нансук пригодны не для парашютов, а скорее для портянок!

– Вы испытывали парашют из нансука? – спросил изобретателя Дубенский.

– Не успели.

– Да у него и нет их! – воскликнул Скрипухин. – На серьезное заседание он пришел с голыми идеями, а уже думает о массовом заказе. Нет у него и хороших специалистов по пошиву, значит, на ближайшее будущее нет перспектив.

– Слово вам, товарищ Гроховский, – помолчав, сказал председатель. – Только поменьше голословных заявлений, говорите аргументированно, без эмоций и постарайтесь в сторону оппонентов не бросать обидных слов, вроде «тряпки».

Он явно опасался принять неверное решение. Выступление Скрипухина его полностью не убедило, но чувство настороженности к изобретателю возросло, хотя как личность Гроховский ему импонировал. Привыкший сдерживать свои эмоции, Дубенский все-таки ценил оригинально мыслящего изобретателя.

– Говорите, товарищ Гроховский.

– Возражать словесно товарищу Скрипухину не буду, – сказал Гроховский, вставая. – Мы на втором этаже, разрешите пригласить всех членов НТК на первый, в зал заседаний. Там находятся наши парашюты. Не два. Полтора десятка. Чем много слышать о них, лучше один раз поглядеть, пощупать...

Такое короткое выступление даже развеселило присутствующих на заседании. Спустившись вниз, члены комитета обступили длинный стол с разложенными на нем парашютами из хлопчатобумажной ткани. Рядом, на стульях – экземпляры в ранцах, отдельные детали системы. Особенно всех заинтересовал купол из нансука. И перкалевый²³ удостоился внимания. Осматривали долго. Вымеривали клинья, дергали стропы, кажется, каждый шов был прощупан.

В сторонке переживали и радовались каждой приятной реплике Гроховский с Титовым. Иногда им задавали вопросы. Ответы их звучали солидно.

Потом все члены комитета опять собрались в кабинете Дубенского. Обменялись мнениями.

– Хотя большинство высказывается за широкий эксперимент и даже за принятие положительного решения по внедрению хлопчатобумажных парашютов, – подытожил Дубенский, – считаю, решение принимать рано. Посмотрим, что покажут всесторонние испытания. Наше решение должно быть абсолютно точным. Права на крупную ошибку мы не имеем.

²³ *Перкаль* – хлопчатобумажная ткань повышенной прочности из некручёных нитей

На тонких губах Скрипухина змеилась улыбка.

– Когда испытания? – спросил Гроховский.

– Как только у вас будут готовы несколько штук из нансука. Пять хватит.

– Значит, через годик! Да, да, да! – затряс бородкой Скрипухин. – Ведь тот, что нам показывали, шили два месяца с хвостиком.

– Готовы к испытаниям завтра, товарищ председатель, – сказал Гроховский. – У нас есть полдюжины парашютов из нансука. Мы просто не посчитали нужным везти их сюда.

– В полном комплекте?! – крикнул Скрипухин. Гроховский не удостоил вопрос вниманием.

– А успеете подготовиться к завтрашнему дню? – подумав, спросил Дубенский.

– Да. Еще полдня и ночь впереди...

Успели до полуночи гроховчане: дали заявку на самолеты, выписали со склада парашюты «Ирвин», проверили еще раз свои, заполнили песком холщовые формы, придав им приблизительный вид человека.

– Спать! Всем спать до шести ноль-ноль! – приказал Гроховский. Сам уехал домой, но многие из его сотрудников предпочли отдыхать в домике около Петровского парка. Как только на следующий день на летное поле приехали члены НТК и представители штаба ВВС, грянула музыка.

– А марши зачем? – поморщился Скрипухин. – Любит Гроховский шумовые эффекты. Шумим, шумим...

Одну из черт характера изобретателя Скрипухин подметил точно: любил Гроховский показать свои изделия красиво, в праздничном обрамлении, иногда с каким-нибудь впечатляющим сюрпризом.

Гроховский с чертежником Зуевым, отвечающим за выброску манекенов, хлопотали около самолетов, а Иван Васильевич Титов вводил в курс дела членов комитета и начальство.

– Испытания начнем со сравнительного показа американских парашютов и наших из нансука. На двух самолетах поднимутся двенадцать «братьев Песковых», то есть манекенов, набитых песком. Вес их одинаков – восемьдесят килограммов. Шесть спустятся на «Ирвинах» и шесть – на хлопчатобумажных. Самолеты пойдут один за другим на коротком расстоянии. – пояснял Титов

– С какого самолета будут сбрасываться американские? – спросил Дубенский.

– Я и сам не знаю точно, – уклонился от ответа Титов, памятуя на сей счет указание Гроховского. – Это зависит от того, какой самолет первым взлетит.

Подошел сам Гроховский, и ему задали такой же вопрос.

– Самолеты однотипные. «Ирвины» на машине с бортовым номером «три».

– Разве мы различим на таком удалении номер?

– Через бинокль свободно. – И Гроховский отошел, сославшись на необходимость личного участия в подготовке объектов к полету.

– У кого есть бинокль... Дайте бинокли... Найдите бинокль, – требовали члены техкома. Ни биноклей, ни подзорных труб поблизости не оказалось, об этом позаботился Гроховский. Кого-то послали разыскивать оптический прибор, но тут из репродукторов вырвалось:

Внимание! Внимание! Самолетам – взлет!

Туполевские бомбардировщики ТБ-1 грузно поднялись в воздух. Развернулись, величественно проплыли над полем в наборе высоты. Вдали от аэродрома они перестроились из положения «друг за другом», встали на параллельные курсы. Летели почти крылом к крылу. Теперь даже те, кто загружал самолеты, не могли точно определить, на каком из них летели «Иваны Песковы» с парашютами из нансука.

Прослышав об испытаниях, на аэродроме собрались свободные от полетов летчики, техники, служащие НИИ. Толпа любопытных росла, среди них стайки мальчишек с Ходынки, невесть как проникшие в охраняемую зону.

Бомбардировщики над центром поля.

– Сбросили! Сбросили!.. С каждого по одному!

Наверное, в этот ответственный миг перестали дышать все сотрудники отдела Гроховского, да и сам он побледнел, застыл в томительном ожидании.

Манекены летели к земле. Над тем и другим начали вытягиваться купола парашютов. Они раскрылись с хлопком, и «Иваны Песковы» закачались на стропях. Через несколько секунд оба коснулись земли. Потухли купола.

При выброске второй пары картина получилась несколько иная. У одного из манекенов вырвавшийся из ранца купол расправлялся медленно, полностью раскрыться так и не успел. Удар о поверхность аэродрома получился крепким.

– Вот вам и нансук! – схватив за локоть Дубенского, торжествующе прошептал Скрипухи. – Вот вам и самодеятельная система! Я предупреждал!

Услышав, Гроховский крикнул с досады: «Что за язва! Почти в одиночестве остался, а свое гнет!»

Кто-то из комитетчиков хотел сбегать, посмотреть на разбившийся манекен, но его остановил Титов:

– Давайте как наметили – осмотр после всей выброски. Сейчас бегать по полю опасно.

Падает третья пара... четвертая... пятая... шестая. Все купола раскрылись без задержки. Выдержали динамический удар. Манекены с надлежащей скоростью приземлялись и боком падали на молодую травку.

Члены техкома, за ними целая группа людей, набирая темп, побежали к манекену, у которого парашют не раскрылся полностью и холщовая одежда лопнула по швам. Вгляделись. Рядом с кучкой песка лежал шелковый купол.

– Вы ошиблись, Скрипухи, – раздумчиво произнес Дубенский, поднимая край купола. – Плохо сработал американский парашют. Нансук и перкаль ведут себя вполне прилично.

– Еще надо проверить, как люди Гроховского уложили «Ирвин», – не унимался Скрипухин. – Могли стропы в ячейках затянуть. Могли жгуты свить.

Гроховский тут как тут:

– Э, нет, глубокоуважаемый мастер, не мои люди укладывали парашюты американские. Делал это сомневающийся Минов. Так что – пardon! Или по-русски...

– Ладно, ладно вам, ведь серьезные люди! – пристыдил их Дубенский. – Нансук и перкаль пойдут в дело...

Прошло время. Хлопчатобумажные парашюты выдержали экзамен и на сохранность. Прележав месяцы в плотных ранцевых упаковках, их купола не слеживались, не плесневели.

Были разработаны новые гигантские купола для грузовых парашютов. Отдел Гроховского работал над полуавтоматическими люльками: подкрыльная переворачивающаяся лодочка в рост человека плюс вытяжная стропа, которую при выброске манекенов применили впервые вместо вытяжного кольца. Поворотом люльки должен был управлять из кабины самолета штурман.

Начальник ВВС одобрил дальнейший план работ отдела и представил изобретателя Наркомвоенмору. Свидание было недолгим, но полезным. Нарком Ворошилов сказал:

– Вы занимаетесь настоящим делом. Парашют для воздушного флота – важная вещь...

И пообещал в ближайшее время присутствовать на выброске.

Из Ленинграда поздравительную телеграмму прислал Тухачевский, правда, в адрес Баранова. Оттуда же пришло письменное поздравление и Гроховскому от начальника Остехбюро Бекаури.

В пошивочной мастерской гроховчан увеличился объем работ.

15 апреля 1930 года встал в строй оборонных предприятий завод, производящий отечественные парашюты, во главе с директором и главным конструктором Савицким. Первую продукцию – парашют типа НИИ-1 – заводчане выдали через три дня после официального открытия. Выпускались парашюты Гроховского Г-1 для десантников и транспортные Г-2, Г-3.

Глава 3. Авиабус

Сброс авиабуса 1930 год

Иван Титов²⁴вспоминает:

...Мы переехали в небольшой двухэтажный домик, стоящий на краю Ходынского поля. Каждый в личное пользование получил по два квадратных метра рабочей площади. На втором этаже даже переоборудовали выступающий балкончик. Его обшили фанерой, в одной из стен засияло оконце. В образовавшийся скворечник (Гроховский назвал его «Ласточкиным гнездом») втиснули стол и стулья для двух разработчиков. В тесноте да не в обиде, как говорит русская пословица.

Часть сотрудников, близких к производству, Переселили на окраину Москвы в мастерские, прозванные рабочими в шутку «Синегубинским гигантом». Называли эти мастерские еще и заводом, хотя состоял «завод» из кирпичного одноэтажного флигеля и просторного сарая во дворе, там трудились столяры, слесари и коптила миниатюрная кузница.

Не ахти много получили, но мы радовались и такой возможности пошире развернуться.

Летом, покидая отсыревшие комнаты, сотрудники работали во дворе под натянутым на деревянные стойки брезентом. Любопытные мальчишки Синегубинской улицы, заглядывая через щели высокого дощатого забора, могли увидеть много интересного и необычного: скелет строящегося катера; разноцветные парашютные купола, висящие на бельевых веревках; крылатые модели странных машин; обломки спортивного планера и детали авиационных моторов; большие и малые неожиданных форм железки, нанизанные на парашютные стропы, как бусы. Прямо на земле лежали придавленные булыжниками фанерные листы и квадраты ватманской бумаги. Над ними колдовали полуобнаженные загорелые парни и девушки в легких комбинезонах. Свист пил, шум сварочного аппарата, звонкие удары молотобойцев, разговоры, поднимающиеся до спора, крика, и песни, цыганские романсы, слетающие с патефонных пластинок, создавали этой картине фон. Здесь, на «Синегубинском гиганте», превращалась в конструкцию новая идея Павла Игнатьевича Гроховского – кабина для беспарашютного десантирования, о которой специалисты НИИ ВВС почти в один голос говорили: «Чепуха! Пустая затея!», «Не было подобного и никогда не будет». Но Гроховский трудно отступал от задуманного, если, по его мнению, новинка должна принести пользу армии.

Ученые-скептики не верили в идею потому, что не верили в Гроховского. В Гроховского не верили потому, что он не ученый и не дипломированный инженер, а самоучка-изобретатель,

²⁴ Титов Иван Васильевич – заместитель начальника Осколнью-ро, позже – заместитель Главного конструктора экспериментального института по вооружениям РККА, профессор.

фигура, редко почитаемая среди ученого мира. Да еще изобретатель не от опыта, а «от земли», и, видите ли, «Его озарило!».

Гроховский со скептиками не спорил, он делал. Скоро вдвоем с Малыничем, своими руками и почти тайно, они построили модель сбрасываемого объекта.

Однажды в начале рабочего дня, часов в девять, Гроховский с небольшим свертком под мышкой пришел в наше обиталище (я работал в мастерских).

– Доброе утро! – поздоровался и с таинственным видом развернул газетную упаковку. – Сейчас мы испытаем одну вещь... Кто из вас знаком с беспарашютным сбрасыванием? С неба на землю без парашюта при полном порядке?

Таких не нашлось. Их не было и во всем мире, никто и никогда не задумывался над подобной проблемой. Впрочем, о затее своего главного мы слышали краем уха, поговаривали, что у разных специалистов в ЦАГИ он получает консультации по вопросам аэродинамики крыла.

– Поставьте на книги вот этот низкий столик, сделайте его выше сантиметров на десять, – попросил Гроховский, и в его руках засверкала черным лаком моделька, напоминающая приплюснутый игрушечный автобус.

Стол немного приподняли, затолкав под ножки учебники, справочник и папки. Гроховский поставил модель на столешницу и резко толкнул ее: она покатилась, сорвалась с края и, описав в воздухе полу дугу, ткнулась носом в пол. Перевернулась и затихла колесиками вверх.

Мы недоумевали: что хотел показать нам главный? Авария! Надо же, не вышло, черт побери! – притворно вздохнул Гроховский и весело скомандовал: – Убрать подпорки! Не все выгребайте, только книжки. Папки оставьте!

Вытащили из-под ножек толстые книги. Гроховский промерил высоту столика складным метром. Еще кое-что по мелочи отбросил в сторону. Опять смерил.

– Теперь получается ладно, допуски нормальные, – Гроховский поднял с пола автобусик, подержал, погладил, сказал:

– Это авиабус, или закрытая кабина для беспарашютного десантирования... Смотрите внимательно, люди добрые...

Снова авиабус прокатился по гладкому столу и слетел с него, но не перевернулся, а, коснувшись пола тремя точками – колесиками, умчался в угол.

– Поняли? Уяснили, что к чему?

Я, кажется, понял, но молчал за компанию. Авиабус, извлеченный из угла, переходил из рук в руки, его рассматривали, ждали разъяснений. Гроховский недолго томил нас. Голос его зазвучал торжественно, даже чуть самодовольно.

– Мы, друзья, работаем на будущие десантные войска, одной из первых задач которых является внезапное появление бойцов в тылу противника. Скрытность, быстрота, потом уже натиск. Так? Но представьте, как же мы, десантники, сможем появиться незаметно, если противник услышит за тридевять земель гул армады самолетов? А ведь парашютисту и над точкой сбрасывания нужно время, чтобы преодолеть расстояние до земли на плавно спускающемся парашюте. Могут встретить и расстрелять бойцов еще в воздухе. Запросто снимут! Мы противнику такой возможности не дадим! Пустим самолеты в бреющий полет, значит, до минимума сократим раскат звуковой волны, обеспечим большую внезапность их появления там, где нужно сбросить из-под крыльев вот такие авиабусы с вооруженными людьми и боевой техникой. И этим бойцам потребуется минимум времени и сил, чтобы отвоевать плацдарм для парашютного эшелона. Авиабус – техника первой десантной волны! – торжественно заключил Гроховский. И повторил понравившееся ему определение:

– Первой десантной волны!

– Прекрасно, Павел Игнатьевич, – подал голос инженер Огнев, – но при начальной пробе авиабус ткнулся носом в пол... В натуре это авария, как минимум.

– А вторая попытка?

– Может быть, случайно не перевернулся?

– Попробуйте сами, Огнев. Толкайте его нещадно. Пусть еще расквасит нос!

Огнев, а потом и другие пускали авиабус со стола с различной скоростью, но он все время падал колесиками на пол и убегал в разные углы комнаты. Правда, угол касания пола при разной скорости был неодинаков.

– При малой скорости он клюет носом, – сказал Огнев. – Целость не гарантирована.

– Замечено правильно, ух какой у вас острый глаз, Огнев! – засмеялся Гроховский. – Да не обижайтесь, Огнев, не обижайтесь... Мне пришлось немало заниматься теорией и практикой бомбометания в авиачасти. Обратил внимание, что бомба, отделившись в воздухе от самолета, некоторое время продолжает лететь как бы параллельно с ним, слегка отклоняясь к земле. Метров тридцать-сорок или меньше. Потом глиссада падения становится более крутой. И подумал: а что, если сразу же после отделения предмета от самолета под него подставить что-нибудь плоское, ну, скажем, поле аэродрома? Наверное, предмет не ударится, а, встретившись с плоскостью по касательной, покатится, заскользит. Как приземляется лыжник при прыжке с трамплина, видели?.. Вот это наблюдение и легло в основу идеи беспарашютного десантирования... Почему я попросил сделать стол повыше? Чтобы показать вам сразу – не любая высота пригодна для такого дела. По моему расчету самолет должен идти над землей не выше двенадцати метров. Выше сбросим – объект, как и эта модель, жестко встретится с землей, развалится от удара. Настоящий авиабус, конечно, будет иметь более совершенное аэродинамическое качество, чем обыкновенный ящик. Качество крыла! Придумаем и специальные приспособления, чтобы не прыгал, как блоха, и не переворачивался. При правильной высоте сброса и при поверхности земли без высоких препятствий, думаю, мы обеспечим безопасность такого десантирования процентов на девяносто.

– А сто!

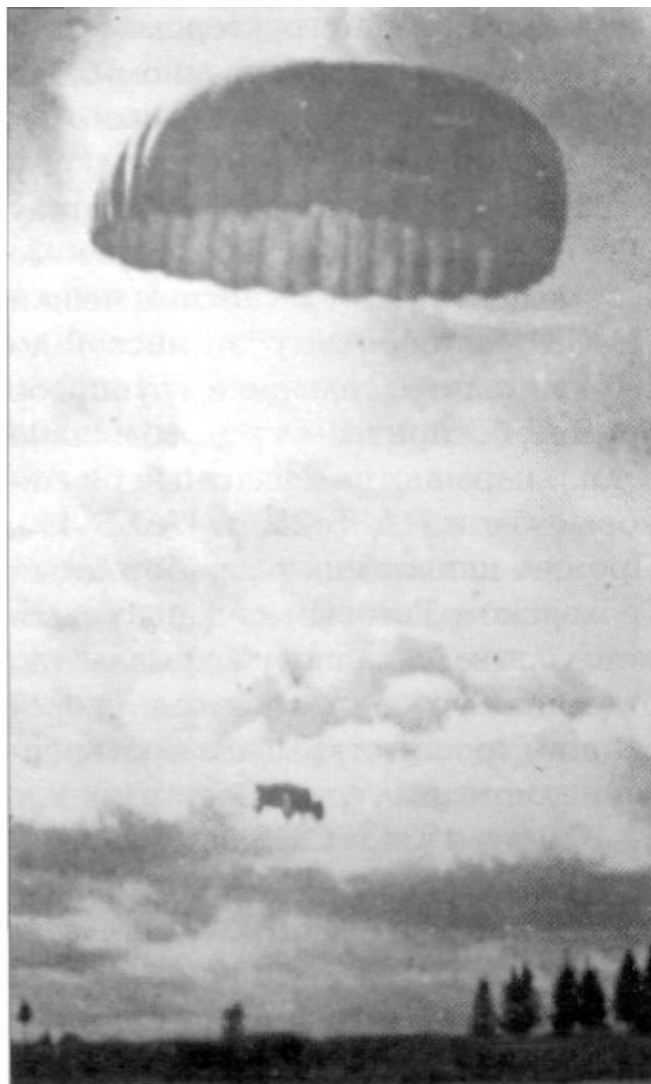
– Сразу не гарантирую. Такого процента нет даже у быстро катящейся телеги... Ну, будем делать авиабусы, друзья? Рискнем отличиться? Подумайте крепко. Соберемся вечером. Буду слушать все «за» и «против». В одной умной книге по конструированию я прочитал, – Гроховский вытянул из кармана гимнастерки листочек, – *«Опыт показывает – просчеты, допущенные при выдвигении основных идей, губят проект уже на ранней стадии его реализации. Выход – в самой нелицеприятной критике во всех мыслимых аспектах. Тут не следует щадить ни престижа, ни авторского самолюбия. Тицетно убаюкивать себя надеждой, будто слабости замысла, невидимые окружающим, но ощущаемые нами, со временем исчезнут сами собой»*. Вот так! Ищите ошибки в идее. За самую большую и принципиальную обещаю поощрить...

Вечером на собрании под протокол детально обсудили вопрос о постройке экспериментального авиабуса за счет экономии времени и материалов и решили: «Включить в план. Строить!» Проектировку необычного аппарата поручили инженеру Огневу.

За короткое время в эскизах прорисовались варианты бескрылых платформ, маленьких и больших, для людей и для грузов, на лыжах, на колесах, для посадки на воду, на снег и даже на пни. Нас больше всего волновала амортизация авиабусов – расчеты показывали, что даже при самом благоприятном угле контакта аппарата с поверхностью удар будет довольно сильным. Тут нужно было усиленно ворочать мозгами всем без исключения.

Опытный маленький авиабус на лыжах начали строить на «Синегубинском гиганте». Гроховский внимательно следил за ходом работ. Чтобы внушить уверенность нам, что работаем мы не впустую, он при народно обмолвился:

– На первом людском авиабусе солдатом буду я!

Спуск автомобиля «Форд» на большом грузовом парашюте

Глава 4. Пополнение

4 августа Гроховский приехал на работу к одиннадцати часам дня. Сотрудники, привыкшие видеть своего начальника бодрым, жизнерадостным, обратили внимание на его мрачный вид. Даже в одежде заметна неряшливость, ему не свойственная.

– Какой-то объект не утвердили...

– Наверно, опять кляуза...

– Может, дома что случилось? – делились между собой предположениями. – Дочка заболела? Жена?

– Пригласите всех до одного в нижнее помещение, – приказал Гроховский дежурному и в ожидании стал прохаживаться около стола с опущенной головой.

Окинув пасмурным взглядом собравшихся, начал говорить ровно, но спокойствие давалось ему с трудом.

– Да, каждый из вас с полным основанием может сказать, что время даром не теряет, опережает планы, делает кое-что и сверх плана. И все равно шаг наш черепаший! Нами недовольно руководство. Родине как можно быстрее нужен род войск, для которого мы работаем. Как видите, нас торопят и события. Я мог постоять за себя и за вас, когда речь шла о плане, но мне сказали, что он занижен, мы его легко выполняем, оставшееся время тратим на пустяки, разные никчемные придумки. Все поняли?.. Ставлю первоочередные задачи. За кратчайшее время мы должны сделать приспособления для выброски рядовых бойцов с начальной парашютной подготовкой. Ведь в будущем каждый десантник не сможет получить практику в объеме инструкторской программы, – чеканил как по бумажке Гроховский. – Мы должны готовить к десантированию людей и грузов отечественные самолеты, серийные, типа ТБ-1 и Р-5, позже и более мощные. И парашюты наши, советские. Только это даст возможность выбросить многочисленный, технически насыщенный вооруженный десант... Мы должны предусмотреть компактную выброску, чтобы сразу же после приземления – и во время него! – один боец мог поддержать огнем другого... Нам нужно создать парашютную группу для изучения техники прыжка и поведения парашютиста в воздухе. Записаться в нее могут все желающие... Прошу руководителей групп доложить, в каком состоянии разрабатываемые объекты и методики.

Малынич: – График опережаем. Подвески, крепления и замки отработали хорошо. Картонажные мешки готовы к эксплуатации, можно в серию.

Модин: – Подкрыльные люльки готовы к испытаниям. Узкое место – снабжение. Краски не хватает. Особенно голубой. Две недели люльки в первоцвете. Разве это дело? И кисти плохие – лысеют быстро, оставляя на поверхности щетину. У меня все.

Огнев: – Строительство двух малых авиабусов на лыжах заканчиваем.

– Отставить, Огнев! За них мне уже досталось. Самодеятельность! Говорят, время переводим. В сторону авиабусы, пусть валяются, гниют, – с болью произнес Гроховский.

Огнев. – Но мы уже закончили, Павел Игнатьевич, осталось смонтировать лыжи. Полдня всего уйдет!

– Ладно, потом. Как у вас? – Гроховский посмотрел на Сергушева.

Сергушев: – Шитье парашютов разных форм и назначений идет по плану, но с трудом. Простой. Материала, понимаете ли, в заделе нет. В конце дня песни поем.

– Слово снабженцам, – Гроховский посмотрел на Спаррэ. – Что скажете?

Спарре: – Выступления Модина и Сергушева несерьезны! У нас с Лукашевым по снабжению нет перебоев, что просят – достаем, только заранее предупреждать надо!

Гаевский: – Расчеты на модернизацию самолета Р-5 почти готовы. Теперь уверены, что из легкого самолета можно сделать транспортную машину человек на восемь-десять без особых переделок, только укрепив конструкцию. Доводим до кондиции «голос неба». Тут не все

гладко. Помощь хороших специалистов нужна особенно по спускаемым с борта динамикам, но о подробностях лучше в рабочем порядке, Павел Игнатьевич.

– Как с дисциплиной, Иван Васильевич? – обратился Гроховский к Титову.

Титов: – Веселая тройка продолжает свои художества. Никак утихомирить не могу.

Раздумывая, Гроховский опустил голову. Недавно он принял на работу Любимова – бывшего художника; Сахарова – бывшего актера и поэта; Васильева – бывшего работника театра. Они согласились переквалифицироваться в чертежников и, помимо основных дел, создать в коллективе художественную самодеятельность. Ни то ни другое у них не получилось. Портили чертежи, устраивали спектакли-скандальчики между собой, частенько от них пахло спиртным, на работу опаздывали. Обнаружилась нехватка русских народных костюмов, закупленных для драмкружка и сданных под их ответственность.

– Уволить! – приказал Гроховский. – Слушаю дальше...

Титов: – Пусть дадут слово, что исправятся. Я их премиальных лишу. |

– В третий раз? Нет, – ответ Гроховского прозвучал категорично. – Слушаю дальше.

Конструкторы.

Конструкторы, не вдаваясь в мелкие детали, познакомили собравшихся с ходом дел на сегодняшний день, и почти все, обращаясь к начальнику, сетовали на нехватку исполнителей, разработчиков.

– Я беседовал с некоторыми молодыми специалистами из отделов ЦАГИ и НИИ, из других близких нам по профилю научных учреждений. Обещал творческую свободу, поддержку, и даже повышение оклада. Результат неважный. В нас далеко не все верят. Точнее – не верят многие. Так мне сказали в штабе ВВС, и в довольно резкой форме. Вот почему я сегодня, извините, товарищи, так зол. Только успехи могут привлечь к нам народ. Иван Васильевич, – обратился Гроховский к Титову, – что вы предпринимаете по подбору кадров как мой заместитель? Стараетесь?

– Даже объявления в газеты дал. Приглашаю всех, кто мало-мальски владеет нужным нам ремеслом. Обещаю золотые горы и молочные реки с кисельными берегами.

– А прилива нет и нет.

– Ждет вас один молодец из Саратова. Кажется, вполне гош для нас.

– Прошу разойтись по рабочим местам... Давайте молодца, Иван Васильевич. Неужели и в Саратове о нас слух идет? Туда, в глушь, в Саратов, раньше ссылали.

– Я ж говорил... газета.

Титов вышел и скоро вернулся с худеньким чернявым пареньком небольшого роста. Гроховский сразу же поймал смелый взгляд его больших коричневых глаз.

Титов представил:

– Борис Дмитриевич Урлапов. Планерист.

– Дмитриевич, значит, ну, ну... Где родились? Когда? – спросил Гроховский.

– В Астрахани. Здравствуйте сначала.

– Извини. Здравствуй, здравствуй... Так сколько вам лет, Дмитриевич?

– Скоро будет девятнадцать.

– Пожилой человек! – улыбнулся Гроховский. – Что умеете делать? Много ли знаний подколопили за свою долгую жизнь? Практика у вас, наверное, богатая?

– В школе имел отличные оценки по физике и математике, легко дифференцирую простейшие функции. Знаю почти наизусть книгу Фадеева «Аэродинамический расчет планера». В Саратове занимался постройкой летательных аппаратов и немного летал. Работал чертежником седьмого разряда, – торопился выложить Борис все, что, по его мнению, могло способствовать приему на работу.

– Немало, немало. Ну, а у нас, чем желаете заниматься? – По лицу Гроховского было заметно, что юноша вызвал интерес. – Могу предложить только место чертежника. С этого у нас все начинают, Дмитрий.

– Меня привлекает конструкторская работа.

– И не меньше?!

– Другую можно получить всюду. Я не из-за денег к вам пришел.

– Кто же к ним сейчас равнодушен...

– Так берете конструктором?

– Вот тебе лист бумаги и карандаш, нарисуй, каким ты видишь автомобиль эдак лет через десять, пятнадцать? Пойди в «скворечник», там сейчас один из столов свободный. Проводи, Иван Васильевич...

– Не прошло и получаса, как Борис Урлапов прервал беседу начальника с заместителем.

На рисунке каплевидная автомашина с полностью застекленным носом и скошенной радиоантенной на крыше.

– Так, так, – рассматривал старательно выписанную картинку Гроховский. – Значит, радиофицировал... А мотор где?

– Сзади.

– Какой фирмы поставишь мотор?

– Отечественной.

– Но наши слабоваты, а, Дмитрие?

– Так вы ж сказали, через десять-пятнадцать лет.

– Молодчина. Хвалю...

– Так берете конструктором или нет?

– Иван Васильевич, ты как считаешь, доверим Дмитричу? А то ведь утекёт конструктором в ЦАГИ или повыше куда. Горючими слезами будем обливаться. Так берем конструктором, только самым-самым младшим, а?

Авиаконструкторы – Борис Урлапов, Глеб Котельников, инженер Константин Калинин, лётчик и военный начальник Михаил Громов (сверху-вниз, слева-направо)

– Обязательно, обязательно, – в тон начальнику весело ответил Титов. – И кабинет просторный дадим. И штат человек в сто организуем. В будущем, в будущем, конечно.

– По рукам, Борис Дмитриевич! Талон на общежитие получите у Спаррэ. Спаррэ найдете, это самый большой и мощный дядя среди нас...

Так в Особом конструкторском бюро появился новый молодой сотрудник, которого сослуживцы называли сначала просто Боря. Динамичному обаятельному парнишке вскоре действительно исполнилось девятнадцать лет.

Совсем мальчиком, одним из первых в Саратове записался Боря Урлапов в планерный кружок «Парящий полет», возглавляемый тоже юным Олегом Антоновым. Помогал строить один из первых безмоторных летательных аппаратов Антонова. – ОКА-2. Научился столярничать в кружке, овладел мастерством слесаря, обойщика, маляра. Работал на совесть.

Уже в четырнадцать лет Борис стартовал на ОКА-2, правда, не совсем удачно, а через год после этого сконструировал свой первый планер, балансирный.

Учился отменно и в школе и в кружке. К юным планеристам проявляли большое внимание профессор Саратовского госуниверситета, известный математик и гидродинамик Мичурин, другие ученые. Они занимались с молодежью в основном аэродинамикой, а с Борисом Урлаповым и некоторыми другими ребятами – математикой, механикой, графостатикой, сопроматом.

Так в коллектив Гроховского пришел еще один молодой и грамотный, технически подготовленный, а главное – увлеченный авиацией человек.

Вечером Борис Урлапов уже как полноправный служащий конструкторского бюро присутствовал на политчase, слушал помполита Фоменкова. Здесь многое из международной обстановки начинающий конструктор узнал впервые. Повышая военные бюджеты до крайности, Германия, Япония, Италия переводят свою экономику на военные рельсы. Ими взят такой разбег, который позволит во второй половине тридцатых годов практически быть готовыми к большой войне. В подобной обстановке Советскому Союзу необходимо принимать решительные меры по наращиванию оборонной мощи. И не только количественно. Главное звено – техника. Насытить, пропитать, оснастить качественной техникой Красную Армию – вот главная задача. Тухачевский предупреждает: «Наш враг номер один – это Германия.

Фоменков рассказал, что такое фашизм. Бориса Урлапова так потрясло услышанное, что после политчаса он попросил у Фоменкова конспект его выступления и сделал для себя выписку из «Проекта морального, правового и духовного укрепления Третьей империи, предложенного одним из теоретиков немецкого фашизма графом Куртом фон Эйхеном. Вот что советовал сделать своим единомышленникам граф-садист:

«...Живущему с открытыми глазами в Третьей империи нельзя не видеть печального зрелища, которое закрывают нам окраина и множество разоренных деревень. Полуголая, исхудавшая армия детей, тысячи нищих, тянущиеся к знатнейшим кварталам, как некогда пиратские суда к мирным гаваням. Изнуренные, с ужасными лицами, вишивые, с уродливыми телами, еле спрятанными в лохмотьях, они измученными, нечеловеческими голосами беспокоят даже тех, кого исключительные свойства сверхчеловека оградил от подобных кошмаров... Для охраны арийцев высшего порядка во имя достижения Третьей империей внутренней, а также и всемирной гегемонии, ради обеспечения в этих целях людьми низшего порядка, необходимо: рабочих, крестьян и неимущих интеллигентов, а также всех евреев – ослепить...

Каждый германский ариец вправе использовать все низшие расы, а мы, сверхлюди, наделены правом использовать, помимо этого, еще и арийцев низшего порядка...

Шагающие в атаку слепые дивизии! Слепые миллионы! Представьте себе, господа, психологическое воздействие подобной системы на неприятеля...

Если мой проект не осуществится, если пятьдесят миллионов немецких рабочих, крестьян и неимущих интеллигентов не дадут себя ослепить, лишит голоса и слуха, тогда наступит варварство, осуществленное уже Советским Союзом, тогда Третья империя и с ней вся европейская цивилизация погибнут... Господи, упаси нас от этого!»

– Это же бред маньяка – ослепить свой народ! – говорил потрясенный Урлапов, передавая конспект обратно Фоменкову. – Человек не может быть способен на подобное!

– Человек – нет, а вот фашисты могут, – сказал помполит. – Смогут, если мы не свяжем им руки. Именно мы. Больше некому. Конечно, пятьдесят миллионов не дадут ослепить себя физически, пусть об этом фон Эйхен не мечтает, а вот морально, психологически фашисты свой парод будут ослеплять. Это – их политика, их идеология. И шагнут в атаку «слепые» дивизии!

* * *

В конце августа в Воронеже летчики 35-й эскадрильи с самолета ТБ-1 впервые сбросили тяжелый груз методом «Залп». Он заключался в том, что над отделившимся от самолета грузом одновременно, залпом, открывались восемь парашютов. И хотя испытания прошли успешно, сложность системы сулила в дальнейшей практике многочисленные отказы. Не удовлетворила Гроховского и громоздкость системы.

Глава 5. Самолёт-гибрид

Иван В. Титов вспоминает:

...В серый метельный полдень декабря, когда на улицах Москвы в десяти шагах ничего не было видно за вихрящимся снегом, к нашему КБ подкатила автомашина начальника Управления ВВС. Петр Иванович Баранов нередко вызывал к себе Гроховского, но всегда заблаговременно извещал по телефону. А тут – на тебе, запыхавшись, влетает адъютант и говорит:

– Гроховского и Титова срочно к начальнику. Прошу не медлить!

Пробиваясь сквозь белую мглу в холодном автомобиле, мы с беспокойством посматривали на сидящего рядом с шофером адъютанта. Наконец, не выдержав, Гроховский задал мучивший нас вопрос:

– Почему так срочно и... необычно? Что случилось?

– Не могу знать. Петр Иванович вызвал и сказал: «Без Гроховского и Титова не возвращайся!»

– Перед этим у него был кто-нибудь? – поинтересовался я.

– О, с утра целый эскадрон разного народа, из знакомых вам – Нежил, Минов из Ворожежа вызван. Я соединял Петра Ивановича с Ленинградом, и целых полчаса они говорили с Тухачевским. Приходили инженеры из НИИ и из КБ Поликарпова.

– О нас шла речь? – спросил Гроховский. – Может, краем уха слышали?

– Я и так разболтался, Павел Игнатьевич, извините, – хитро прищурился адъютант, повернувшись к нам. – Половину говорить не должен был. Смекайте... А нервничать не следует, вот так – неожиданно Петр Иванович вызывает многих. Б-р-р, холодина жуткая! Шофер в шубе как на печке, нам бы разрешили

шинельки на меховое поменять. Хотите, расскажу анекдот про бабу и прорубь?..

Однако бодрый говорок адъютанта не успокоил, и мы, перебирая в уме неудачи, промахи в своей работе, не слышали анекдота. Было не до смеха.

Признаться, не все в КБ шло гладко. Ослушавшись, мы не застопорили постройку авиабусов, наоборот, форсировали работы. Когда еще не застыла Москва-река, с самолета на воду сбросили два первых авиабуса с лодочными днищами. Практически это были крупные модели. В каждую из них положили песок в мешках, и – на тебе, неудачи начались с отцепки – не сработали одновременно замки; один открылся позже, что-то заело в его механизме. Потом огорчило приводнение аппаратов: первый авиабус нырнул в воду, на поверхность выплыл вверх брюхом, второй коснулся поверхности реки под правильным углом, но, несколько раз подпрыгнув, развалился.

Следующую пару авиабусов, тоже небольших по размеру, на лыжном основании, предварительно продули в аэродинамической трубе ЦАГИ. Данные вышли положительными, и несколько дней тому назад авиабусы испытали.

Отцепившись от самолета, они коснулись снежного поля, но не прижались к нему на скорости, а запрыгали, как блохи. Один авиабус в конце пробега, наскочив на кочку, перевернулся.

Несомненно, сами факты неразрешенных сбросов авиабусов, хотя мы их маскировали под испытания подвесок и замков, и плачевные результаты испытаний стали известны начальнику ВВС. Кто-то распространил по НИИ злые рифмованные строки: «На такие сундуки дают деньги дундуки!» Отстаивать идею беспарашютного десантирования теперь будет трудно.

Где еще мы опростоволосились?... Думаю, почему меня вызвали... Перед глазами маленький пожар на «Синегубииском гиганте» – чуть не сгорели чертежи катера на подводных крыльях, хорошо, потушили вовремя. Может, поэтому вызывают? Я же отвечаю за «гигант».

Главное управление ВВС РККА располагалось в четырехэтажном доме по улице Варварка. Автомобиль подъехал к нему, и через несколько минут мы, оставив шинели в гарде-

робной, вбежали на четвертый этаж. Одернув гимнастерки, поспешили в кабинет Баранова. Встали перед ним навытяжку.

– Нуте-с, докладывайте коротко и ясно! – бросил он мрачновато, не поднимаясь из-за стола и не предлагая нам сесть.

– Рад видеть вас, товарищ начальник ВВС, здоровья желаю! – произнес Гроховский почти нараспев, подчеркивая, что чувствует холод встречи.

У Баранова под усами-щеточками дрогнули губы, в уголках серых глаз образовались смешливые морщинки.

– Здравствуйте, здравствуйте, изобретатели, устраивайтесь в креслах. Можно курить. Рапортуйте об успехах. Слушаю.

– Если отвечать на ваш вопрос, не вдаваясь в детали, а есть и прискорбные, то скажу: план 1913 года по разделу «Воздушная пехота» нами выполнен более чем на сто процентов, – доложил Гроховский.

Немного помолчав, Баранов проговорил:

– Пожар в мастерской тоже был запланирован?

Я видел, как Гроховский смял в кулаке только что вытащенную из алюминиевого портсигара папиросу. Ответил почти спокойно, но глаза опустил:

– Это сверх плана.

– Почему не доложили о случившемся? – Баранов смотрел на меня, и этот взгляд заставил встать «смирно». – Говорите, товарищ Титов

– Загорелась ветошь под стапелем, вероятно от окурка, маленький костер потушили мгновенно, последствий никаких. Теперь очистили двор от хлама, не повторится подобное, товарищ начальник ВВС, заверяю, – выпалил я на одном дыхании.

Баранов молчал. Карандаш в его руке выбивал на столешнице чечетку.

Неприятное для нас безмолвие затянулось. У меня в голове: «Сейчас за авиабусы всыплет!» Продолжаю стоять недвижно.

Баранов, отбросив в сторону карандаш, поднялся, вышел на середину кабинета и сделал несколько шагов из угла в угол, разминаясь. Высокий, худощавый, в сером коверкотовом обмундировании, заложив за спину

нервно подрагивающие руки, остановился перед оставившим кресло Гроховским.

– Пришло время обрести плоть воздушно-десантным войскам, – до нас не сразу дошел изменившийся до тихого голос Баранова. – Время и события в мире торопят нас. От теории и экспериментов нужно переходить к практике. Сегодня говорил об этом я со многими товарищами. Есть указание в новом году создать несколько воздушно-десантных отрядов, опытных для начала, и оснастить их необходимой десантной техникой. Дело за вашим КБ. Мы посмотрели перечень ваших изделий и пришли к выводу, что в основном на первых порах они устроят нас. Но в каких количествах и в какие сроки вы можете подготовить разработанные объекты к эксплуатации в войсках?

– У нас экземпляры штучные, товарищ начальник, – сразу ответил Гроховский.

– Вот-с, именно. А если на вас будут работать опытные мастерские НИИ? Сумеете организовать поток, чтобы примерно к марту обеспечить техникой отряд человек из двухсот?

– Выполним... с вашей помощью.

– Яснее, нуте-с, точнее выражайтесь, Гроховский. Вы стали что-то очень немногословны.

– Нужно хотя бы один самолет ТБ-1 отдать в мое полное распоряжение, потому что отрабатывать механизмы подвесок на макете трудно. Нужна живая машина. И с постоянным экипажем. Он тоже должен подчиняться мне. По заявкам нам дают разных летчиков, и никто из них не заинтересован в работе нашего КБ, говорят – «цирк!», отсюда и отношение к делу. На Р-5 самому приходится летать, я с удовольствием, но...

– До меня дошло, что вы раскурочиваете Р-5? Он же наш, штабной! Обдираете обшивку. Изменяете конструкцию. Поликарпов недоволен переделкой самолета, он автор этой машины, и вы должны свои действия по доработке машины согласовывать с ним. Слышал, и у туполевского бомбардировщика хотите хвост откромсать?

– Разрешите, я закончу о лётчиках, товарищ начальник... Прикомандируйте к нам хотя бы одного-двух постоянных. Хорошо бы Бицкого. Он уже летал с нашими объектами не раз. И если можно, Анисимова, пожалуйста.

– Что вы, что вы, Гроховский! Анисимов – ведущий лётчик истребительной группы, она главная в НИИ. У него день плотный. С утра испытывает истребитель, днём переходит на штурмовик, к вечеру уже летает на тяжёлом бомбарировщике. Да ещё вы. Нет, нет, про Анисимова разговора не будет.

– Товарищ начальник ВВС, вы сказали, что десантную технику нужно довести до ума в кратчайшие сроки!

Баранов взял себя за подбородок, подумал.

– Испытателей у нас вообще мало. Берём зелёных, прямо из полков. В августе получил рапорт от лётчика Чкалова. Он работает в Осоавиахиме. Просит разрешения вернуться в военную авиацию. За него ходатайствовали Громов и Юмашев. Я подписал приказ о его зачислении лётчиком в НИИ. В Осоавиахиме Чкалов летал на «Юнкерсе», приедет сюда, пусть полетает на ТБ-1 у вас, опыта поднаберётся.

– Спасибо и за самолёт и за лётчика! – склонил голову Гроховский.

– О самолете я ничего не говорил... Впрочем, дадим, пользуйтесь. Бицкого берите, а Чкалова не навсегда. Подумаем и о других! Анисимова не дам..

– По многим пунктам плана на тридцать первый год мы сможем хорошо выглядеть только с отличными лётчиками, – настаивал Гроховский.

– Анисимов к вам не пойдёт, – упорствовал Баранов. – Со временем подберем для вас приличные летные кадры.

– И на том спасибо! – сдался Гроховский. – Теперь отвечу насчет Р-5. Мы его из двухместного разведчика переделываем в транспортно-десантный самолет. Конструкцию не изменяем, укрепляем в некоторых узлах. Вozить он будет человек десять, включая экипаж.

– Не фантазируйте, Гроховский, всему своя мера. Прекратите терзать машину без разрешения Поликарпова.

– Мы его уже переделали, – опустил голову мой шеф. – Извинитесь за меня перед товарищем Поликарповым. Приглашаю его посмотреть, какие потенциальные возможности заложены в его замечательной машине. Хвалю самолет совершенно серьезно. Думаю, он хорошо послужит десантникам.

– Вижу, вы не шутите. Работа проводилась сверх плана? Почему не докладывали?

– Не были уверены в конечном результате.

– Средства, где взяли?

– За счет экономии. Надеемся создать самолёт-гибрид, первый – специально для военно-десантных войск.

– Слышать приятно, но хвалить подожду. Правильно говорят, что вы партизанщину разводите... Все до мельчайших задумок с сего дня докладывать лично мне. Кто будет испытывать этот ваш гибрид?

– Предлагал трём лётчикам. Отказались. Не верят, что с таким грузом оторвутся от земли. Анисимова бы мне!

Баранов отрицательно покачал головой.

– Не дам.

– Тогда попробую сам, – сказал Гроховский, наблюдая за начальником, переставляющим на шахматном столике фигурки.

– О дне полета уведомите. Приедем с Поликарповым... Так, значит, о технике для опытного отряда договорились. Срок – три месяца! Помощь – всесторонняя. Тухачевский не забыл вас, передает привет и тоже надеется, что не подведете... Но я еще не отпускаю вас, голубчики. Есть претензии, и очень серьезные. Люди ваши плохо соблюдают секретность работ, болтают на стороне, да и вы, Гроховский, не сдержанны на язык. Кое-что даже родной жене говорить не следует. Можно нажить бо-ольшие неприятности. Учтите это на будущее, а пока ставлю на вид.

– Учтем.

– Был у меня разговор с ревизором из финотдела ВВС. Так он тоже имеет к вам претензии. Докладывает, тратите большие деньги на консультации, щедро отваливаете специалистам из ЦАГИ. Откуда у вас такие королевские замашки?

– Поощряю тех, кто помогает нам работать плодотворно и быстро. Они достойны большего.

– Так оформляйте выплаты как положено, Гроховский, а то попадете в такую катавасию, что вас и начальник ВВС не защитит. Вопросы есть?

– Я не выхожу из лимита, товарищ начальник ВВС.

– Спрашиваю, вопросы ко мне есть?

– Насчет Анисимова...

Баранов повернул лицо ко мне:

– У вас товарищ Титов, вопросы, просьбы имеются? Вам, наверное, интересно знать, зачем и вас с Гроховским вызвал? А чтобы осчастливить личным выговором. Да-с! Пока личный – за пожарчик, за болтливость подчиненных, за финансы... ну и за авиабусы тоже... Поняли? Обоим по выговору. Всё! С авиабусами желаю успеха.

Когда мы выходили из кабинета, Баранов остановил:

– Минутку, Гроховский! Знаю, вы в хороших отношениях с Александром Косаревым. Позвоните, поздравьте, у них с Марусей Нанейшвили родилась дочь Леночка...

* * *

...Баранов с авиаконструктором Поликарповым приехали на испытания самолета-гибрида Р-5.

Что мы сделали с самолётом-полуторапланом? Усилили его конструкцию и под нижние крылья прикрепили обоймы фанерных кассет с целлулоидовыми прозрачными носками – в них могли помещаться восемь десантников с оружием или восемьсот килограммов военного снаряжения, боеприпасов. Десантники должны были лежать в отсеках, и могли в воздухе через специальные отверстия в обтекателях вести ружейно-пулеметный огонь.

Когда с проектом познакомили Поликарпова, он, внимательно изучив его, сказал:

– Расчеты на прочность не вызывают сомнений, но отпустит ли земля такую тяжелую машину? Хватит ли аэродрома? Пусть попробуют.

С отзывом Поликарпова мы познакомили летчика-испытателя Анисимова, Гроховский очень желал, чтобы машину в воздух поднял он.

Анисимов осмотрел гибрид и грубовато ответил, что «на беременном аэроплане» он не полетит.

Поликарпов с Барановым приехали на аэродром точно в назначенное время, но что-то у нас не сладилось – не подвезли груз в мешках, и чтобы не отдалять час испытаний, в фанерные кассеты... залезли наши молодые сотрудники.

Молодежь не знала страха, была уверена в надежности конструкции и в пилоте.

Гроховский сел за ручку управления сам. Бесстрастным было его слегка побледневшее лицо. Он плавно подал сектор газа вперед – самолет-гибрид тяжело сполз с места. Побежал.

Нам, стоящим на земле, казалось, что он никогда не наберет скорость отрыва; 200... 300... 400 метров разбега и образовалась полоска между колесами и землей. Почти три тонны в воздухе! Выдержала и конструкция, и нервы человеческие. Только после этого полета у Гроховского почему-то ныли ноги в местах давнишних переломов, память об аварии в Одессе.

Когда Баранов увидел, что из кассет приземлившегося самолета вылезают люди, по его словам, у него «волосы встали дыбом». А Поликарпов сказал мне, усмехаясь:

– Башковитый и моторный мужик ваш Гроховский, только рискованный очень. Так нельзя.

Самолет-гибрид летал у нас до 1930 года, потом мы его капитально отремонтировали, сменили обшивку, шасси и двигатель. Он участвовал в смотрах, учениях, и в обычные дни возил срочные грузы в Ленинград. Самолёт и в дальнейшем не подводил лётчиков. Правда, с нашими тяжёлыми кассетами Р-5 давал скорость километров на двадцать меньше обычной. Хотя для транспортной машины это не большой грех.

* * *

Позже в КБ Гроховского доработали еще один самолет-истребитель И-5. Практически, эта переделка была первой попыткой в нашей стране, возможно и в мире, создать новый тип боевого самолета: истребителя-бомбардировщика.

Для подвески на И-5 двух 250-килограммовых бомб, кроме других конструктивных переделок, были смонтированы специальные мощные бомбодержатели под нижним крылом и установлены дополнительные ленты-расчалки для передачи нагрузки от бомбодержателей на центроплан верхнего крыла.

Самолет хорошо летал, но значительное увеличение взлетного веса истребителя в этом варианте ухудшило его первоначальные летные качества. Нужен был новый мощный мотор. Таковые серийно не выпускались.

Однако «проба» Гроховского не пропала даром. Когда появились истребители Поликарпова И-16 с более мощными двигателями, они использовались в 1937 году на СИБ²⁵, и каждый из них нёс под крыльями по две бомбы ФАБ-250, как и модифицированный И-5 Гроховского.

²⁵ СИБ – составной пикирующий бомбардировщик конструкции В. С. Вахмистрова

Глава 6. Лётчик «милостью божьей»

Михаил Н. Каминский²⁶ вспоминает:

...Почему Павел Игнатьевич Гроховский так настойчиво просил начальника ВВС прикомандировать к его отделу летчика Александра Фроловича Анисимова? Это были люди со сходными биографиями и близкие по духу.

Сын крестьянина, пятнадцатилетний Саша Анисимов учился в Новгороде на курсах шоферов-механиков и после окончания учебы добровольно ушел в армию, поступив в школу военно-авиационных мотористов.

Началась мировая война. Моторист Анисимов обслуживает самолеты 4-го летного отряда Западного фронта. С завистью смотрит, как уходят в небо подготовленные к полету и его руками крылатые аппараты. Но в начале войны пилотировали самолеты только выходцы из привилегированных классов – сыну крестьянина к ручке самолета хода нет.

Лишь в 1916 году, когда офицерский состав летных отрядов был почти полностью «выбит из сёдел» противником, царское правительство милостиво разрешило подготовку летчиков из наиболее одаренных солдат и унтер-офицеров. И тогда Александр Анисимов стал курсантом Петроградской летной школы...

В это время юный матрос-доброволец Павел Гроховский бредил на госпитальной койке в тифозном ознобе.

Сомнений, на какую сторону баррикад встать в дни Великого Октября, не было у Саши Анисимова. Молодой учлёт в составе рабочего отряда штурмовал гнездо контрреволюции – Владимирское военное училище, участвовал в боях на улицах.

...С чердака двухэтажного купеческого дома зло бил юнкерский пулемет, метеля пулями уличный перекресток. Уже несколько красногвардейцев, пытаясь миновать его, упали, отползли, раненные, под защиту стен. «Кто заткнет глотку юнкеру?» Вызвался Саша Анисимов.

В одном из дворов нашли исправную пролетку, бросили на сиденья несколько мешков с камнями, и Александр покатил ее через перекресток, хоронясь между вздрагивающих рессор. Камни в мешках перемалывались пулями. Пролетка катилась, набирая скорость. Юнкера попробовали ее остановить гранатой. Взрыв сорвал с оси переднее колесо. Подъезд дома был почти рядом, в пяти метрах, – их-то и преодолел стремительным броском Александр. Выбив прикладом винтовки окно, юноша пробрался в здание. Через несколько минут на чердаке трижды взорвались гранаты, и пулемет захлебнулся...

Советы взяли власть. В Петрограде создается школа красных военлётчиков.

В ней бы и учиться Александру Анисимову, одному из лучших, талантливых учлётов старой лётной школы. Но он не согласен сидеть в классах, когда большевики предупреждают: «Социалистическое Отечество в опасности!» Нужно! – и Анисимов уходит на фронт гражданской войны опять же мотористом. С пятым Социалистическим авиаотрядом проходит славный боевой путь.

Оба, Александр Фролович Анисимов и Павел Игнатьевич Гроховский, учились в Качинской военно-авиационной школе истребителей в Крыму, правда в разное время и у разных инструкторов.

В привольной степи, недалеко от реки Кача, берущей исток в Мамашайской долине Крымского полуострова, возвышались три здания, построенные в 1910 году. На отлете виднелись склады, мастерские, стройные шеренги самолетов на сером каменистом поле. Так с пти-

²⁶ Каминский Михаил Николаевич – лётчик испытатель Экспериментального института по вооружениям РККА, впоследствии – известный полярный лётчик

чьего полета просматривалась зона знаменитой школы, которая гордилась многими своими выпускниками, в том числе первым русским летчиком Михаилом Ефимовым и покорителем «мертвой петли» Петром Нестеровым. В советский период кроме юношей там учились и такие, как Анисимов с Гроховским – красные командиры, имевшие довольно высокие воинские звания, награды за гражданскую войну. Как показало время, школа выпустила много героев, так как самыми главными качествами учеников инструкторы считали волю, решительность, молниеносную сообразительность – это ценилось превыше всего.

В то время бытовало мнение, будто летчиком может быть лишь высокоодаренный человек, обладающий врожденными способностями и умеющий без приборов легко и свободно ориентироваться в пространстве.

Человек-птица! Полет – это искусство, которое служит рыцарскому воздушному бою, а летчик является артистом высшего класса и не должен унижать свое искусство ничем, кроме работы в воздухе! Такая «летная психология» впоследствии принесла Анисимову, да и Гроховскому, немало горьких минут. Жизнь выбивала тщеславие сурово. Такие летчики были «неудобными» для начальников, и карьера их изобиловала понижениями в служебных должностях, взысканиями, а подчас и серьезными авариями.

Нелегкую дорогу к славе прошли и Анисимов с Гроховским после того, как оба (не в одно время) закончили еще и «Стрельбом» – высшую школу по стрельбе и бомбометанию в Серпухове. Анисимова стали называть истребителем «милостью божьей» – так любили тогда выражаться авиаторы, оценивая летный талант. Проходя службу в частях ВВС, он зарекомендовал себя отличным воздушным бойцом.

«Летчик А. Ф. Анисимов. Стрельба в полете по мишени Р-1 – из 65 патронов 55 попаданий. Атаки с высоты 250 метров, огонь с высоты 180 метров и выход с высоты 80 метров» – одна из записей командира 3-й Киевской эскадрильи в летной книжке Анисимова. На такой высоте и с таких дистанций мог стрелять только бесстрашный летчик, а результат – достоин снайпера.

За многолетнюю практику истребителя Александр Фролович Анисимов не проиграл ни одного учебного боя, не поломал по своей вине ни одного самолета.

То же можно сказать и о летчике-истребителе Павле Гроховском.

Молва о необычных новаторских полетах Анисимова, а позже о лётных экспериментах, изобретениях Гроховского дошла до ушей высшего командования. Анисимов на четыре года раньше Гроховского был приглашен в НИИ ВВС на должность летчика-испытателя. Он доводил до ума все первые советские истребители. И-1, например, был капризной, очень строгой машиной, способной при любой оплошности летчика перейти в затяжной штопор. И-2 тоже особенно не радовал. По требованиям и предложениям испытателей Анисимова и Громова истребители существенно модифицировали. Летчики и конструкторы немало потрудились, прежде чем в соревновании с лучшим тогда французским истребителем «Спад-61» советский И-2бис взял верх. Как результат этой работы 1 апреля 1925 года появился приказ Реввоенсовета СССР за подписью М. В. Фрунзе о снятии с вооружения Красной Армии самолетов-истребителей иностранных и устаревших типов.

Когда на своем любимом самолете И-5 взлетал Анисимов, вся аэродромная обслуга бросала работу, чтобы посмотреть на захватывающее зрелище. Он разгонял машину, отрывал ее от земли, переводя сразу же в «мертвую петлю», в верхней точке делал переворот и набирал высоту в обратном взлету направлении. Иногда в верхней точке петли не переворачивался, а уходил дальше в небо кверху брюхом.

Не ограничиваясь выполнением стандартных фигур высшего пилотажа, Анисимов постоянно искал новые, неизвестные авиации. Многие впервые выполненные лётчиком фигуры осторожные в оценке человеческих судеб историки припишут потом авиаторам, которые были только последователями Анисимова или выполняли эти фигуры вместе с ним, например вос-

ходящие «бочки», постепенно доводимые до штопора, или набор высоты на самолете, перевернутом кабиной к земле.

Время показало, что немало добрых дел и Павла Гроховского было присвоено другими.

Анисимов-испытатель одинаково хорошо летал на истребителях, разведчиках, штурмовиках, легких и тяжелых бомбардировщиках. Талант и летное мастерство позволяли ему без провозных полетов поднимать в воздух дотоле незнакомые ему машины. Как первому воздушному акробату страны, ему отвели место ведущего «красной пятерки» истребителей, открывавших воздушные парады над Красной площадью. Это была честь по таланту, и летчик заслуженно гордился таким доверием.

Общие человеческие и летные мерки не применимы к Александру Анисимову. Доброта большого русского человека в нем уживалась с взрывной яростью. Готовый в любой обстановке защитить от несправедливости товарища, он умел ругаться почище старых боцманов. Оставаясь спокойным в самых критических ситуациях испытательного полета, в то же время болезненно реагировал на обиды, особенно со стороны командования. Имея высокое воинское звание, он наотрез отказывался занимать высокие командные посты, мотивируя тем, что он «летчик, а не дрессировщик». «Шпалы» в его петлицах отличали не должность, а заслуги перед авиацией Родины.

Когда Павла Гроховского перевели летчиком-испытателем в НИИ ВВС, он познакомился с самыми выдающимися летчиками страны Грозовым, Юмашевым, Степанченком, Козловым, Залевским, позже с Чкаловым, другими и, конечно же, встретил Анисимова – старшего летчика истребительной группы. Как рассказывают, знакомство было довольно прохладным – «чужаков» испытатели принимали настороженно.

Я прибыл в НИИ еще позже. Как это произошло, расскажу в дальнейшем. Но один разговор Анисимова с Гроховским, услышанный мною, приведу сейчас.

– Ты что же, Паша, в серьёз поменял самолеты на железки и деревяшки? – посасывая папиросу, спросил Анисимов.

– Понимаешь, затянуло.

– Ну, ну, гробь себя, потом каяться будешь. Хочешь, замолвлю словечко и опять начнёшь нормально летать?

– Я и так буду летать, Саша. На своих машинах. Но первому в них сесть предложу тебе. Согласен?

– Эх, милый, хотела баба мужиком стать, да ей чего-то не хватало!

Поживем – увидим...

Год 1931-й

*Полдела сделано, и в этом не сомненья,
Коль ты сумеешь заpastись терпеньем*
И. Гете

*Грязная муха может опачкать всю стену,
а маленький грязненький поступочек
может испортить все дело.*
А. П. Чехов

Глава 1. Десантный отряд

IX съезд ВЛКСМ собрался в январе. В качестве одного из почетных гостей комсомольцы пригласили и Павла Игнатьевича Гроховского.

– За что такая честь? – спросил он Александра Косарева, когда тот вручал ему гостевой мандат. – Я уже старик по вашим меркам.

– Не ваше обаяние, Павел Игнатьевич, и не наша дружба послужили тому причиной. Вы первым в стране создали молодежное конструкторское бюро, признанное солидным, доказали, что оно вполне работоспособно, и первым внедряете коллективное конструирование. А ваши игры-тренинги для будущих армейцев!

На съезде выступил Ворошилов.

– ...От того, кто будет обслуживать наши воздушные силы в качестве летчиков, бортмехаников, в качестве инженеров, работников аэродромов, – сказал он в докладе, – в значительной мере будет зависеть рост и успехи нашего Красного Воздушного Флота.

И предложил комсомолу взять шефство над авиацией.

Делегаты съезда ответили на призыв Наркомвоенмора специальным обращением ко всей молодежи страны.

В нем звучало:

«КОМСОМОЛЕЦ – НА САМОЛЕТ!»

Комсомольцы Москвы и Ленинграда одними из первых в стране пошли в аэроклубы, создали сотни планерных кружков в малых и больших городах, селах, подали заявления в военно-авиационные школы, встали к станкам и кульманам на авиазаводах, отправились с тачками, лопатами, мастерками строить аэродромы, ангары.

Прилив молодежи захлестнул и коллектив Гроховского. У него просили любую работу, были согласны на любую переквалификацию

– Ну и куда вас так много! – восклицал он обрадованно, зачисляя новичков в «кандидаты», – Месячишко-другой потерпите, будет вам и дудка, будет и свисток.

Тухачевский, назначенный заместителем Ворошилова и начальником вооружений РККА, утвердил положение об Особом конструкторско-производственном бюро во главе с начальником и главным конструктором П.И. Гроховским. Теперь молодёжный коллектив, увеличив штаты, официально именовался Осконбюро ВВС РККА. В его распоряжение, после немалого сопротивления институтского начальства, передали опытные мастерские НИИ ВВС.

В это время начальник института Горшков болел, его замещал Зильберт, между ним и Гроховским из-за этих мастерских пробежала «черная жирная кошка».

18 марта командование Красной Армии приняло решение создать в Ленинградском военном округе норный опытный воздушно-десантный отряд.

– Вам оснащать отряд техникой, Гроховский, – напомнил еще раз Баранов летчику-изобретателю. – Реввоенсовет принял специальное постановление о работе вашего ОКБ. Оно обязывает Главное управление ВВС создать все необходимые условия для вашей успешной деятельности. Понимаете всю серьезность поставленных задач и свою личную ответственность? Справитесь?

– Справимся, Петр Иванович.

– Парашютной подготовкой бойцов отряда будет заниматься летчик Минов со своими помощниками. Им выделено всего сорок пять парашютов. Мало, очень мало...

– Ну, это забота фабрики Савицкого.

– И вас касается, Гроховский, в немалой степени... В июле будем смотреть вашу технику в действии. А сейчас подумайте вот над чем: вашим людям придется работать в Москве

и в Ленинграде, силы КБ нужно разделить, но так, чтобы каждая половина в любых условиях могла бы работать самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.